

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ

Проект братьев Стругацких

Владислав Выставной
ПРОРОК ЗОНЫ

Владислав Валерьевич Выставной

Пророк Зоны

Серия «Пикник на обочине»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6495380
Выставной, В. В. Пророк Зоны: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-080832-8

Аннотация

Когда-то Аким предсказал страшную катастрофу.

Пророчество сбылось. Родной город Акима оказался в центре Новосибирской Зоны, и мальчика чудом спасли из оплывающих руин.

Прошли годы, Аким вернулся. Теперь он стремится назад, в Зону.

Зачем? Что нужно слабому и неопытному на вид парнишке в Зоне, легко убивающей самых крутых профессионалов? Этот вопрос не дает покоя его проводнику, удачливому сталкеру по прозвищу Кот.

Сталкер быстро пожалеет о том, что связался с этим парнем: за ними начнется настоящая охота. Полиция, «черные» сталкеры, армейский спецназ, бандиты и служба безопасности Института готовы на все, лишь бы добраться до Акима.

Потому что Зона слышит его, и разговаривает с ним.

Он – Пророк Зоны.

А люди боятся живых Пророков...

Содержание

Пролог	5
Июнь 1972 г., за день до Посещения	5
За час до Посещения	7
Посещение	9
Спустя час после Посещения	10
Глава первая	17
Новосибирская Зона, июнь 2015 г	17
Новосибирский Академгородок, на следующий день	26
Искитим, Новосибирская область, год спустя	39
Новосибирская Зона, сутки спустя	51
Глава вторая	56
Новосибирская Зона, лето 2016 г	56
Глава третья	91
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Владислав Выставной

Пророк Зоны

Пролог

Июнь 1972 г., за день до Посещения

Гром за окном заглушил последнюю фразу.

– Что ты сказал?!

Голос учительницы дрогнул. Аким смотрел ей в глаза ясным, спокойным взглядом. Слова будто сами слетали с губ. От этого становилось страшно, но он не мог заставить себя замолчать.

– Вы завтра умрете, – тихо повторил он.

Класс замер. Все ждали неизбежной расправы над наглецом. Первая растерянность прошла, и теперь учительница нависла над маленькой фигуркой, как хищная птица над полевой мышью.

– Так-так... – проговорила она. – Не ожидала от тебя, Аким. Завтра в школу с родителями!

Аким вдруг задрожал, сжался. Глаза его расширились от ужаса.

– Они... Не смогут... – пролепетал он.

– Что еще такое?

– Они... тоже... – Последнее слово болезненным комом застряло в горле.

– Ну все, хватит! – В голосе женщины появилось раздражение. – Пугать будешь директора. Забирай вещи – и вон из класса!

Аким взял портфель и, опустив взгляд, пошел между партами. С обеих сторон злорадно ухмылялись одноклассники. Больно кольнуло в шею: кто-то плюнул жеваной бумагой из трубочки. Аким вжал голову в плечи.

У самых дверей он споткнулся о ловко подставленную ногу. Кубарем полетел на пол, рассыпая тетрадки из раскрывшегося портфеля. Класс взорвался смехом. Анна Федоровна, едва сдерживая улыбку, неодобрительно качала головой.

Дрожа от обиды, Аким поднялся. Оглядел исподлобья веселящихся одноклассников. И, сжав маленькие кулаки, закричал – высоко, едва перекрывая смех:

– Да вы же все, все умрете! Завтра! Никого из вас не останется! Никого!

За окном сверкнула молния. Класс продолжал смеяться.

За час до Посещения

– Он совершенно здоров, – сказал врач, мерно постукивая по столу авторучкой. – Более того, на удивление здоровый мальчик. С чем вас и поздравляю.

– Но вы же слышали, что он говорит! – Мать скосилась в сторону белой кушетки, на которой, уставившись в пол, неподвижно сидел Аким. – Напугал весь дом, с утра твердит одно и то же: «Конец света, все умрут!» У соседки сердечный приступ, я с утра на успокоительном!

– У детей очень развито воображение, – терпеливо пояснил врач. – Иногда они целиком погружаются в свой собственный воображаемый мир. Тем более, много новой информации, большая нагрузка в школе. Как-никак, первый класс.

– С ним все будет хорошо, доктор? – всхлипнула женщина.

– С кем, с кем, а с ним все будет хорошо, – улыбнулся врач. Женщина робко улыбнулась в ответ, поднялась со стула. Взяла мальчишку за руку, открыла дверь. Уже выходя из кабинета, Аким остановился, резко взглянул на врача:

– Вы тоже умрете, доктор!

Мать ахнула и потащила сына прочь. Дверь закрылась. Некоторое время врач продолжал отбивать авторучкой мерный ритм. Выглянул в окно. Что-то странное творилось се-

годня с небом. Небывалые какие-то облака. Или не облака вовсе? И этот гром, вызывающий молнии... Разве не должно быть наоборот?

Врач снял телефонную трубку, набрал на диске трехзначный номер.

– Алло, Николай Иванович? Это Бородин беспокоит. У нас еще один «предсказатель».

Посещение

(Материалы изъяты из свободного доступа)

Спустя час после Посещения

Тяжелый транспортный Ан-12 выбросил десант на предельно малой высоте. На фоне заката заложил вираж и, не меняя эшелона, с ревом ушел к горизонту. Он стремительно покидал квадрат, вжимаясь в землю, как барсук в траву. За ним, словно семена одуванчика, раскрывались купола парашютов.

Шевцов хмуро проводил самолет взглядом. Тридцать минут назад такой же транспортник разорвало в клочья, будто он наткнулся на невидимое препятствие на высоте километра. История повторяется. И снова – на те же грабли. Вместо того чтобы сперва разобраться, провести детальную разведку и анализ ситуации, пытаемся завалить врага трупами.

– Дьяченко, стоять! – сжав цевье автомата, крикнул Шевцов. – Куда ты лезешь?!

– Так я ребятам помочь! – отозвался сержант, кивнув в сторону снижающихся невдалеке белых куполов. – Связи-то нет!

– Без приказа – ни с места! – отдельно повторил лейтенант. – Без того уже пол взвода осталось. Держать круговую оборону и не рыпаться!

– Есть...

Сержант нехотя остановился, перехватил автомат поудобнее и стал оглядывать верхние этажи зданий.

Он не понимает. Да и невозможно это понять. Ведь такого никогда еще не случилось на этой земле, а может, и нигде в мире. Тут силой да напором ничего сделаешь. Вон в соседнем квадрате целая рота сгинула. И никто не знает, что да как. Послали подкрепление – та же история. Одни матюки в эфире и никакой толковой информации. Нет, тут напролом никак нельзя.

Это надо чувствовать.

Шевцов еще раз оглядел пятиэтажки по обеим сторонам улицы. Обыкновенные «хрущевки», покинутые жителями при спешной эвакуации. Вон, и дверь распахнута – словно манит вовнутрь. Дом и впрямь хорошо бы осмотреть, позицию занять на крыше. Да только что-то внутри твердило: не смей приближаться к этим стенам!

Там смерть.

Еще были машины – грузовики, легковушки, рейсовый автобус. Почему-то их не задействовали при отходе. Шевцов вспомнил первую потерю взвода – рядового Малышева, которому он приказал осмотреть кабину брошенного автофургона. Никто не мог ожидать ничего подобного: бойца словно токомшибануло, едва тот прикоснулся к дверной ручке. Тело, скрюченное в судороге, брызги крови из ушей – и все... Мгновенная смерть. Только сейчас подумалось, что ток здесь ни при чем: это не объясняло жуткие бельма на мертвых глазах погибшего.

Тогда-то и включился этот внутренний предохранитель.

Который, однако, не смог остановить гибель еще пятерых бойцов. Просто невозможно было предугадать подобное, а после – поверить в происходящее. И непонятно, как все это описывать в рапорте. Конечно, если они вернутся живыми.

– Так, а теперь медленно вперед, вдоль осевой линии! –скомандовал Шевцов. – К машинам не приближаться!

Он знал, что его приказ звучит странно, даже нелепо. По всем правилам нужно, напротив, вжаться в стены, избегая открытого пространства. Но они уже видели это зловещее свечение в подвалах и помнили, что стало с весельчаком и балагуром Гришиным, решившим «взять образец» в армейскую фляжку. Не дай бог еще раз такое увидеть. Тело пришлось бросить – существовала опасность заражения. Ведь до сих пор никто не знал, что за дрянь обрушилась с небес на эти места. Одно ясно: подвальной жижей сюрпризы не исчерпывались. Враг (если это был враг) был непонятен, его тактика – безумна, а оружие – убийственно. Взвод нес потери на ровном месте, и никто не мог сказать, отчего именно погибали товарищи. Неопределенность – худший враг, даже для бойцов десантно-штурмовой бригады. Штатное оружие здесь было бесполезно. Единственное, на что оставалось рассчитывать, – холодная голова и крепкие нервы.

На перекрестке снова остановились и заняли круговую оборону. Это шло вразрез с любыми представлениями о тактике. Но для того, чтобы выжить, надо ломать представления, которые здесь не работают.

Лейтенант оглядел подчиненных – всех, что остались от взвода. Ничего, держатся ребята. Только недавно прибывший новобранец с РПГ в руках был бледен, как смерть. Он с изумлением пялился куда-то в переулок. Шевцов проследил его взгляд. На темном асфальте явственно читался силуэт грузовика. Это казалось невероятным, но тот словно расплющило гидравлическим прессом колоссальной мощи, попросту раскатало в фольгу. При этом асфальт оставался целехоньким. От таких вещей может поехать крыша. А потому не стоит заострять внимание на непонятном, нужна спасительная конкретика.

– Радист, что со связью? – сухо спросил лейтенант.

– Нет связи, – вслушиваясь в треск и завывания эфира, отозвался радист. – Не пойму, в чем дело...

– Глушат?

– Непонятно... Чертовщина какая-то...

– Давай продолжай активнее, нужна связь со штабом!

– Есть.

Связь необходима как воздух. Они продолжали продвигаться вперед, теряя людей и рискуя остаться здесь навсегда. Командование называло операцию «разведкой боем». Чушь. Какой еще бой, если нет противника?

За спиной, сопя в затылок, возник сержант:

– Товарищ лейтенант, а вы как думаете, кто это устроил?

Опять китайцы?

– Сомневаюсь, что после Даманского они бы на такое ре-

шились, – отозвался Шевцов. Он осматривал улицу, пытаясь понять, стоит ли двигаться по ней дальше или разумнее пойти в обход. Это походило на паранойю, но что-то было не так в этой чистой и светлой улице. Может, пойти переулком? Но что там за странная колючка вдоль стен? Опасная?

– Неужто американцы? – продолжал сержант. Это он от страха. Бодрится. Придумай ему вполне определенного противника – и боец ощутит под ногами почву, взгляд прояснится, и действия обретут осмысленность.

– Да нет... – Шевцов насупился, глянул искоса на сержанта. – Вряд ли американцы. Откуда у них такое... – Он замолчал.

– ...оружие, – подсказал сержант.

– Да я и не думаю, что это оружие, – отозвался Шевцов.

– Что же это, по-вашему? – удивился сержант.

Шевцов внимательно посмотрел на сержанта. Нет, на стукача не похож. Да, по правде говоря, плевать. Пусть доносит в политотдел, пускай там знают, что он про все это думает. За его слова уже заплачено – жизнью пятерых молодых, здоровых парней.

– А вон, – Шевцов кивнул на восток.

– Что там? – Сержант непонимающе глянул туда, куда указал командир.

– Академгородок, – лейтенант криво усмехнулся. – Умные ребята в очках и белых халатах. Синхрофазотроны, протоны-электроны. Счастье человеческое делают.

– И что?

– А ничего. Может, перебрали они со счастьем. Все, что человечеству полагалось, – сюда влепили. Счастье, оно ведь тоже хорошо, когда в меру.

– Ну вы скажете тоже, товарищ лейтенант... – неуверенно хохотнул сержант.

Шевцов усмехнулся. Он и сам не особо верил в такие возможности науки. Во всяком случае, земной. Какое-то время он изучал карту, решая, как пробиваться к эпицентру. Командование считало, что там, в эпицентре, найдутся ответы на все вопросы. Шевцов уже наверняка знал, что это не так. Не будет никаких ответов. Только новые вопросы. И новые смерти. Но приказы не обсуждают, их выполняют.

А потом хлынул дождь из искрящихся металлических игл. И взвода не стало.

...Шевцов и сам не помнил, как оказался на том пепелище. Нет, «пепелище» – не совсем верное слово. Этот дом не сгорел – он словно оплавился, стек, будто был сделан из воска. На груди оплавленного камня, посреди опустевшего города, он увидел мальчишку.

Единственного уцелевшего в этом аду. Жутковатое было зрелище. Лейтенант даже усомнился на миг: действительно ли это мальчишка, а не какая-нибудь изошренная приманка? Он отогнал эту вредную мысль, заставил себя приблизиться. Тогда еще подумалось: может быть, взвод погиб не зря? Может, жизнь этого испуганного мальчика стоит принесенных

жертв?

– Вот ты где! – скупно улыбнувшись, сказал лейтенант. – А я тебя всюду ищу!

– Я знал, что они погибнут, – не поднимая головы, тихо сказал мальчик. Он сидел, обхватив колени, и даже не смотрел на Шевцова.

– Идем со мной! – Лейтенант протянул руку.

– Я знаю, из-за чего все случилось, – послушно поднимаясь, сказал мальчик.

– Из-за чего же?

Мальчишка сжал кулаки, с усилием поднял взгляд. В его глазах не было слез, но была такая боль, отчего он вдруг показался значительно старше.

– Это я... – тихо проговорил мальчик. – Я во всем виноват!

Глава первая

Дыхание Зоны

Новосибирская Зона, июнь 2015 г

Сердце пропустило удар.

Все-таки вляпался. Кто-то его поджидал – там, за «колючкой». Вряд ли патруль: нет такой привычки у «касок» – засиживаться у периметра, рискуя схватить «дозу» какой-нибудь малоизученной дряни. Засады они устраивают в отдалении, с тем чтобы расстрелять брата-сталкера в условиях прямой видимости на контрольно-следовой полосе.

Нет, там было что-то другое. Живое. Крупное. Хитрое.

Кот нервно облизал пересохшие губы. Только бы не шатун. Встреча с медведем Зоны не сулит ничего хорошего. Если не убьет даже, то один его взгляд принесет беду. Дурной у него глаз. Так говорят. Мало кому удавалось уцелеть после такой встречи. Они, шатуны, вроде даже разумны. Что-то сделала с ними Зона-матушка. Говорят, силой наделила, чтоб стерегли ее темные богатства. Шатунов уважать надо и бояться. А что? Он и боялся. Только как его обойти, если тот уже выбрал его. Для жратвы или для сглаза – одной Зоне ведомо.

С онемевших губ сама собой сорвалась тихая скороговорка заговора:

– Стоит тайга, в лесу – тропа, на ней шатун стоит, на меня глядит. Как воде с огнем рядом не бывать, так шатуну со мной рядом не стоять, тела моего не мять, плоти моей не рвать, мяса моего не жрать. В Зоне много дорог, а моя – одна, и та без шатуна. Аминь...

Без заговоров, без молитвы в Зоне никак. Спасибо Шаману – научил уму-разуму. Иногда только заговорное слово может вытащить из безнадежной ситуации. Это Кот знал твердо, как и то, что никогда никому не признается в своей слабости.

Ладонью стер грязь с потного лица, медленно подтянул дробовик. Положил ладонь на холодный приклад, снял с предохранителя. Меньше всего хотелось стрельбы. Но жить захочешь – кому угодно зубами глотку рвать начнешь. Беда в том, что этот участок не обойти – овраг. Раньше казалось, что здесь – самый безопасный выход. Зона плевать хотела на твое мнение.

А может, там нет никого? Показалось? После суток, проведенных здесь, и не такое покажется. Зона есть Зона. Пусть говорят, что она уже не та, что хабара в ней не осталось, да и найденный ранее хабар давно потерял свои свойства. Все верно. Но ведь что-то стерегут здесь жуткие твари, порожденные Посещением. Круглые сутки работает в Академгородке филиал Международного института. И с упорством

маньяков продолжают лезть сюда сталкеры, все еще надеясь разыскать нечто, неведомое науке. Чтобы поймать за хвост птицу удачи, раз и навсегда изменив свою жизнь.

Есть тут кое-что еще, за чем стоит лезть, рискуя собственной жизнью. Не каждый получает это, да и не для каждого оно на пользу. Может быть, даже для него это не во благо. А если уж совсем честно – то совершенно во вред.

Фарт. Необъяснимая «пруха» в карты. В течение суток после встречи с Зоной он становился практически непобедим. В прокуренном покерном притоне Парфюмера он мог с легкостью снять любой банк – и дело тут совсем не в гениальных игровых способностях. Вряд ли кто-то догадывался о реальных причинах такой «прухи». Разве что сам Парфюмер. Но если тот и знал, то помалкивал. Тем более что через несколько дней фарт стабильно оборачивался своей противоположностью – и Кот спускал все выигранное, еще больше залезая в долги. Он даже пробовал лечиться от игровой зависимости. Но было одно обстоятельство. Он снова шел в Зону и снова возвращался. С пустыми руками и сутками этого сумасшедшего фарта...

Глянул на дозиметр. Поцокал по стеклу пальцем. Может, врет, собака? Где он мог хватануть такую дозу? Не стоило соваться в эпицентр и уж тем более ходить к Старой школе. Наслушался баек бывалых сталкеров, уши развесил. Нет там никакой радиации и отродясь не было. И без радиации всякого дерьма хватает. Потому очень не хочется подышать на

периметре, с пустым рюкзаком за плечами.

Что-то заставило замереть, тревожно вслушиваясь в тишину. Звук. Тихий, наползающий. Будто что-то кралось по пятам.

Кот оглянулся. Там, позади, тоже почудилось движение. На этот раз – чего-то большого, неосязаемого. Склонились, затрепыхав, как под ветром, жухлые травинки у лица.

Только ветра никакого не было.

В мгновение тело покрылось холодной испариной. Наверное, нужно было переждать, пока это нечто перекатится через овраг. Перебороть себя, вжавшись лицом в траву. Он ведь слышал рассказы старых сталкеров, знает, как это здесь бывает. Но страх сильнее логики.

Быстро, по-пластунски, он пополз вперед. Вот замаскированный лаз в проволоке. Еще немного – и Зона останется за спиной.

Вскочил на ноги и принялся отряхиваться, словно желая выбить из себя этот позорный страх. Только через несколько секунд понял: он совсем забыл о том, что ждало его в кустах за «колючкой».

И тут же почувствовал на себе тяжелый, неподвижный взгляд.

– О, черт... – беззвучно произнес Кот. Смотреть в ту сторону было страшно до икоты, до потери сознания. И потому он развернулся резко, глядя уже поверх прицельной планки дробовика.

Не помог заговор. Зверь был огромный. И это был не совсем медведь. Кот даже не представлял себе, что в реальности шатун настолько страшен.

Шатун смотрел на него неотрывно, не шевелясь. Так не может ни одно нормальное дикое животное. Блестящие черные глаза гипнотизировали, лишая воли, делая ватными руки и ноги. Еще немного – и указательный палец будет не в силах вдавить спусковой крючок.

– Отпусти меня, – чуть заикаясь, прохрипел Кот. – Я не причина вреда!

Дело дрянь: раз заикаться начал, жди припадка. Это с ним с детства такое. Никогда не знаешь, чем все обернется – приступом ужаса или злобы. Что лучше сейчас – одной Зоне известно.

Шатун продолжал неподвижно глядеть на него. И вдруг стал медленно приближаться. Это невозможно описать словами. Казалось, зверь не двигался, не шевелил лапами, мордой. Так увеличивается изображение в фотокамере при работе функции «зума». Видимо, что-то неладное творилось с головой...

– Стой! – заорал Кот. – Н-назад!..

Бахнул один выстрел, второй. Разряженные стволы дымились, Кот сжался в ожидании неизбежного. Сейчас хрустнут кости, треснет разорванная плоть, нахлынет боль и безумие предсмертной агонии...

И тут «отпустило». В голове прояснилось, жуткое нава-

ждение ушло. Голова зверя замерла в полуметре от лица, обдав смрадом последнего вдоха, и рухнула прямо к ногам человека.

Умиравший зверь не издал ни звука.

Кот быстро переломил ружье, выбрасывая дымящиеся гильзы, дрожащими пальцами вогнал новую пару патронов. Они не понадобились.

Радость спасения быстро прошла. Кот хмуро стоял над тушей. Хотелось плакать от досады и тревожных предчувствий. Будто он сам вынес себе приговор. Любой сталкер скажет: поссорился с шатуном – путь в Зону тебе заказан. Навсегда. А значит, прощай хабар, прощай сам смысл жизни. Кот привстал на одно колено, осторожно коснулся головы зверя. Память выдала услышанные некогда слова, которые он и не думал произнести в реальности. Запустил пальцы в жесткую шерсть, забормотал скороговоркой жутковатые слова заговора на убитого зверя:

– За черёмухой лазил-де, свалившись, умер. Ягоду ел-де, с утёса свалившись, умер. Смороду ел-де, в болоте утонул, умер. В подарок пулю взял-де, скажи...

И добавил уже нормальным человеческим, полным тоски голосом:

– Прости меня. Я не хотел...

Кончики пальцев закололо, как будто ток пробежал. Отдернул руку. Стало немного легче. Хотелось верить, что зверь простил его. Но простила ли Зона?

Быстро встал и пошел прочь. Дорога отсюда ему хорошо известна. До темноты нужно было добраться до города. Но уже через несколько шагов Кот остановился как вкопанный. Его осенило.

Откуда шатун взялся здесь – за пределами Зоны?

Тут же ушла накатившая было расслабленность. Что-то было не так. Кот сбавил шаг, в движениях появилась осторожность. Через десяток шагов пришлось убедиться, что подозрения не напрасны. За бугром, между сосен он наткнулся на патрульный джип. Обыкновенная полицейская машина с прожектором и пулеметом на крыше. Целехонькая, чистенькая, будто только что из мойки.

С парой скелетов внутри. Каски нелепо сверкали на черепах с остатками плоти, на костях болтались обуглившиеся лохмотья формы. Кости пальцев водителя застыли на руле.

– Что за... – Слова застряли в глотке.

Вчера здесь такого не было. Даже если это убийство, трупы не успели бы истлеть за сутки. Да и не похоже это на тление. Это что-то другое. Ответ был очевиден, но не хотелось в это верить. Кот осторожно обошел машину. Возможно, то, что убило полицейских, ушло. Но оно вполне могло притаиться рядом в ожидании беспечных мародеров...

Какое-то время Кот продолжал бездумно идти по тропе. И только споткнувшись о какую-то железку, избавился от сомнений.

Это была не просто «железка». Из серой земли торчала

половинка плоского, медного на вид диска. Еще не веря своим глазам, Кот потянул его на себя. Диск не поддавался. Вытащив нож, Кот принялся яростно долбить грунт, пока полностью не освободил находку. Ухватился за диск, попытался поднять.

Бесполезно. Провел под диском лезвием ножа. Диск висел над поверхностью, удерживаемый необъяснимой силой, но в руки не давался. Яростно расшвыривая землю, Кот выгреб земли еще на четверть метра в глубину, пока в яме не оказался точно такой же диск – близнец первого. Ухватившись за верхний, Кот вытащил на поверхность эту невероятную штуковину. Принялся вертеть, жадно разглядывая.

Два диска – и пустота между ними. «Пустышка». Он ее сразу узнал, хотя держал впервые в жизни. Это была его первая добыча, настоящий сталкерский хабар! Он все-таки сделал это.

Волна счастья ударила в голову. Поставив «пустышку» на землю, он исполнил вокруг нее дикий победный танец. Ломано двигаясь, по-дикарски размахивая дробовиком, расхохотался. Его раздирало неистовое веселье, оно вытесняло усталость и страх. Теперь они заткнутся! Все, кто воротил нос и издевался над его занятием. Конец смешкам и подначкам. Каждому по морде – этой самой «пустышкой»!

Приступ счастья прошел быстро. Он сменился смутным ощущением тревоги. Что-то было не так. И ответ пришел, мгновенно отрезвляя и прогоняя нечаянную радость.

Он не мог найти «пустышку» вне Зоны. Как не мог встретить шатуна или загадочно погибших патрульных. Все это означало одно.

Зона вышла за пределы отведенных ей границ.

Она стала больше.

Новосибирский Академгородок, на следующий день

Кто его знает, как этот парень оказался в Институте. По всем правилам, еще на входе его должна была скрутить охрана. Она просто не могла не скрутить его, на всякий случай накидав по почкам. Но он спокойно шел себе по длинному светлomu коридору, беззаботно шлепая босыми ногами. Тощий, нескладный, в длинном больничном халате на голое тело. Возможно, странного гостя прошляпили из-за неразберихи, воцарившейся, едва Зона полезла за установленный периметр. Да и что говорить, институтская служба безопасности больше занята шпиономанией и внутренними проверками. Ее хлебом не корми – дай померяться компетенцией с другими силовыми структурами – пока по режимному объекту бродят все кто ни попадя.

Наверное, Кот встретил его первым. Он шел из лаборатории, погруженный в собственные мысли. Все не давала покоя найденная «пустышка»: терзали сомнения, хорошо ли она припрятана, да как ее толкнуть подороже, не получив при том срок или, того хуже, перо под ребра. И тут из-за угла появилось это привидение. Кот обалдел даже и едва не выронил ящик с реактивами – настолько неожиданное и нелепое было зрелище. Окликнул:
– Эй, малый! Ищешь кого?

Парень остановился, посмотрел на него. Поморщился, будто вспоминал что-то. Лицо его было необычайно худое, бледное, черные круги под глазами – ни дать ни взять наркот. Парень почесал руку на сгибе, и стали заметны синюшные следы от игл. Точно, наркот. Это многое объясняет. Есть у наркоманов такая не изученная наукой способность – под кайфом попадать в такие места, куда в нормальном состоянии никак не проникнешь.

– Доктора Марченко ищу, – незнакомец неуверенно огляделся. – Он здесь работает.

Кот задумался, пожал плечами.

– Не знаю такого. – Он с подозрением посмотрел на парня, на его посиневшие от холода ноги. – А ты, вообще, представляешь, где находишься?

– Новосибирский филиал Международного института внеземных культур, – без запинки ответил незнакомец.

– Да, верно, – с некоторым разочарованием отозвался Кот. – Но я уже год здесь работаю, про такого не слышал.

– Тогда я бы хотел увидеть Степанова. Из лаборатории биофизики.

– Слушай, парень, я сам только что из лаборатории биофизики. Нет у нас никакого Степанова. И никогда не было.

Парень растерянно огляделся. Уставился на информационный монитор под потолком. На его лице появилось недоумение. Он нахмурился. И неожиданно спросил:

– А какой сейчас год?

Кот нервно хохотнул. Час от часу не легче. Нет, не наркоман. Псих какой-то.

– Ну пятнадцатый, – сказал он. Сам скопился на камеру слежения. Куда эти вояки смотрят, дармоеды в касках? Пока они чешутся, всякие психи, чего доброго, Институт подожгут.

– Две тысячи пятнадцатый? – дрогнувшим голосом переспросил парень.

– Ну а какой еще? – раздраженно отозвался Кот. Он заметил, наконец, приближавшихся сотрудников службы безопасности. – Вот, по твою душу идут. Можешь у них поспрашивать. Но боюсь, вопросы будут задавать они сами.

Незнакомец не успел ничего ответить. Рослые охранники в ооновской форме аккуратно, но крепко ухватили его под руки. Парень не сопротивлялся. Поплелся за этими амбалами, как баран на бойню. Кот ощутил угрызения совести. Наверное, оттого, что терпеть не мог этих бугаев в форме. Они ведь враги по определению. Шакалы. Только здесь, в Институте, приходится любезно им улыбаться, изображая лояльность, и те в ответ скалятся. А там, на периметре, пристрелят, не моргнув глазом. Знали бы они, чем занимается этот лаборант в свободное от работы время!

– Как звать-то тебя? – крикнул Кот вслед уводимому незнакомцу.

– Аким, – пытаюсь обернуться, отозвался парень. – А вас? Этот вопрос почему-то вызвал у охранников приступ ве-

селья.

– Меня – Кот. Погоняло такое.

– Кот? А почему? – уже издали крикнул задержанный.

– В другой раз расскажу, – усмехнулся Кот.

И потащил свои реактивы дальше. О странном парне он тут же забыл. Все мысли были заняты Зоной. В крови бурлил адреналин в предчувствии чего-то большого, важного. Только в отличие от вояк, озабоченных тем, чтобы побыстрее обтянуть вновь пораженные территории колючей проволокой, сталкер думал о перспективах, которые сулил всплеск аномальной активности.

Ведь все знают, что принесло с собой Посещение. Помимо шока от столкновения с внезапным, чуждым и враждебным, Посещение оставило россыпи уникальных предметов, что обрели в нашем мире вполне материальную ценность. Перепуганное человечество породило Зону, перекрыв доступ в места Посещения, а Зона породила сталкеров, норотивших утащить в большой мир побольше странных предметов, за которые кое-кто готов был выложить приличные бабки. Все помнят, к примеру, «батарейки», которые обещали решить энергетические проблемы Земли раз и навсегда. Тогда казалось, что эти штуковины помогут человечеству совершить научный и технологический прорыв, осыпать род людской всевозможными благами, что вот-вот грядет всеобщее благоденствие.

Ага, как же. Вместо благоденствия пришло жестокое разо-

чарование. Мало кто помнит Кризис, когда в один прекрасный день все «объекты» из Зоны, как по команде, утратили свои свойства, превратившись в бесполезный хлам. И никто не знает – почему. Поговаривают, мол, какой-то шустрый сталкер из Хармонта добрался-таки до Золотого шара и потребовал от него такого, отчего тамошняя Зона обалдела и послала обнаглевшее человечество куда подальше. Хотя, скорее всего, это не более чем байка, гуляющая по всем филиалам. Пожалуй, сами ученые ее и выдумали, не желая признавать собственное бессилие и неспособность объяснить происходящее. А тем временем все шесть разбросанных по планете Зон Посещения из источников чудесных находок превратились в обыкновенные помойки, по-прежнему смертельно опасные, но уже практически бесполезные для брата-сталкера. Да и найденные ранее артефакты постепенно растеряли свои свойства – «этаки» разряжались в ноль, «зуды» переставали зудеть, «пустышки» – слиплись. Так что, если и удастся отыскать такую штуковину, радости от нее мало. Никому не нужны сломанные игрушки. Даже этим ученым маньякам. Но тридцать лет уже сталкеры продолжают лазить по этой клоаке, гибнут, рожают неполноценных детей, и все – за бесполезный мусор, который то и дело принимают за находку века. Занятие сталкера из опасного, но выгодного, даже элитарного, превратилось в нечто чудачковатое и постыдное. Вроде собирания коллекций окаменевшего дерьма. Несмотря на это, в Зону продолжали ходить, да

появлялись новые поколения сталкеров, никогда не державших в руках настоящего хабара. Единственным достойным занятием для сталкера стало подъедаться на мелких должностях в Институте. Благо всегда при Зоне, да и платят сносно, из международных фондов. Филиалы Института продолжали упорно работать, обрабатывая бесконечное количество накопленной информации. Ученые все еще ждали чего-то. И надо же – дождались. Полноценная рабочая «пустышка» – да еще и за пределами периметра. Ползла-таки Зона-матушка из собственных границ, как тесто из кадки.

Размышляя, Кот развалился в крутящемся кресле с ногами на подоконнике. Окно имело толстые просвинцованные стекла, но растения на подоконнике упорно подышали одно за другим.

За окном была Зона.

Но даже Зона со временем становится обыденностью, и все ее загадки оттесняются простыми до тошноты вещами. Вот и сейчас он смотрел не в это просвинцованное окно, а на колоду карт в руке. Методично, пальцами одной ладони перетасовывая карты, Кот доставал одну из них и пытался угадать масть. Не получалось. Это было странно. Обычно «пруха» держалась минимум сутки после возвращения. Но вчера на игре что-то не заладилось, и дело едва не дошло до поножовщины. Неужели Зона перестала дарить свой редкий фарт?..

– Котляров, – раздался за спиной знакомый мягкий го-

лос. – Не сильно занят?

Это Лавров, его шеф и светило науки мирового масштаба. В последнем Кот был совершенно уверен, несмотря на скромность самого шефа, добродушного худощавого человека, успевшего поседеть на изучении последствий Посещения.

Кот нехотя сунул колоду в карман, убрал с подоконника ноги.

– Иди за мной! – потребовал Лавров.

Шеф сказал идти, значит, надо идти. Кот уважал руководителя лаборатории. И, надо сказать, было за что. Именно Лавров предсказал грядущий конец света, вызвав в научной среде настоящий взрыв. Это не говоря про публику попроще, ударившуюся в нешуточную панику. Говорят, многие по всей планете сейчас строят убежища, по типу противоатомных. Да только, если прогноз Лаврова сбудется, никакие убежища нас не спасут. Хорошо еще, дело не дошло до стопроцентного доказательства грядущего апокалипсиса. Сам Лавров то и дело таинственно похлопывал по своему любимому, разбухшему от записей блокноту – в нем были зловещие расчеты, его математический приговор человечеству. Правда, после очередного всплеска паники в средствах массовой информации он заявил перед телекамерами, что расчеты требуют перепроверки и ряда дополнительных экспериментов. Но Кот подозревал, что Лавров нарочно искажает факты, чтобы не усугублять и без того тяжелое настро-

ение в мире. Этот дядька – настоящий гений, вроде тех, что склепали американцам первую атомную бомбу и тут же поделились секретом с русскими. Как и они, Лавров мыслит глобально, видит дальше и понимает то, что другими недо-ступно. А потому шефа нужно слушаться, он знает, что го-ворит.

Перед кабинетом начальника службы безопасности Кот в сомнении замялся. Знал бы, куда зовут, – нашел бы любую отмазку, чтобы здесь не появляться. Лавров вон смотрит на него, ждет. Не понимает. Но не станешь ведь объяснять ему: сталкеру нет интереса лишний раз перед безопасностью светиться. И без того он по грани ходит. А теперь, когда возникли реальные перспективы с Зоной, – и подавно.

Дверь открылась, и из кабинета вышел тощий молодой человек в массивных очках. Кот невольно напрягся. Этот-то что здесь делал? Молодой человек тоже заметил их и, похоже, растерялся. Но быстро взял себя в руки, улыбнулся, вежливо поздоровался с Лавровым, дружески подмигнул Коту и быстро удалился по коридору.

Странная фигура. Фамилия его Зубов, и был он некогда учеником Лаврова. Говорят, весьма способным. Только что-то у них там не заладилось, и Лавров указал ему на дверь. Казалось бы, карьере Зубова конец. Но как бы не так. Каким-то необъяснимым образом этот выскочка мгновенно защитил докторскую, отжал себе собственную лабораторию в филиале и теперь активно делал карьеру. Больше всего он

прославился как научный оппонент бывшего шефа. Так, он яростно критиковал его теорию последовательных Расширений, или Сдвигов, которые в итоге приведут к слиянию Зон, или в просторечье – к концу света. При этом удивляло его навязчивое стремление подружиться с лаборантом бывшего шефа. Кот старательно сторонился этого типа, но тот все-таки умудрился его достать: так же, как и сталкер, он посещал подпольный игровой клуб Парфюмера.

Кот всегда подозревал, что за стремительной карьерой Зубова стоят спецслужбы. И эта встреча у дверей руководителя службы безопасности не стала неожиданностью. Хотя и оптимизма не добавила тоже. О чем мог говорить Зубов с хозяином кабинета? В голове лихорадочно замелькали картинки из последнего посещения Зоны. Неужели донос? Делать нечего, придется войти в эту дверь и старательно изображать законопослушного гражданина. Стараясь излучать побольше дебиловатой безмятежности, Кот нырнул в кабинет вслед за шефом.

Глава службы безопасности филиала, майор Разуваев, выглядел озабоченным. Плечом он прижимал телефонную трубку, одной рукой листал пожелтевшие листы из разбухшей картонной папки, другой царапал что-то в массивном блокноте. Он жестом предложил садиться, продолжая тихо и непонятно бубнить в трубку. Вошедшие уселись на жесткие стулья, стали ждать. Разуваев положил трубку и с ходу впился взглядом в лаборанта:

– Котляров, на тебя материал пришел. На этот раз ты серьезно вляпался.

Кот внутренне сжался. Неужто выследили? Дробовик откопали? Или «пустышку» нашли? Нет, быть того не может. Никак майор на пушку берет. Не знает он ничего, иначе разговор происходил бы в другом месте. Просто манера у них, службистов, такая.

– Не может быть, гражданин начальник, – почти искренне заявил Кот. – Я честный лаборант, по уши в науке, вот у шефа спросите.

– Совершенно верно, – подтвердил Лавров. – Думаю, это какая-то ошибка.

– Может, и ошибка, – неожиданного легко согласился Разуваев, – тогда перейдем к сути.

Разуваев принялся медленно перебирать бумаги. На посетителей он не смотрел. Те ждали, хозяин же кабинета не торопился. Это была его обычная манера, привыкнуть к которой нормальному человеку непросто.

– В общем, такое дело... – сказал Разуваев Лаврову и вдруг снова перевел взгляд на лаборанта. – Завтра тебя на допрос вызывают. В прокуратуру. Можешь сразу с вещами.

– Какой еще допрос? – севшим голосом спросил Кот. – По какому делу?

– А, так дело уже не одно? – оживился Разуваев. – Выкладывай, живо!

– Да нет никаких дел, – окрылся Кот. – С чего вы вооб-

ще взяли?! Я закон не нарушал!

– Точно? – строго спросил Разуваев, сверля взглядом бледного лаборанта.

– Точно! – буркнул Кот. Эта манера службиста бесила его больше всего. То ли у него и впрямь была паранойя в отношении лаборанта, то ли это какая-то профессиональная игра, призванная подловить собеседника на слабине.

– Ну ладно. А то – смотри у меня! – Разуваев хмуро свел брови, постучал по столу авторучкой.

– Петр Вячеславович, – нетерпеливо вмешался Лавров. – Давайте по существу дела.

– Хорошо. – Разуваев мгновенно потерял интерес к лаборанту и теперь в задумчивости барабанил пальцами по стопке бумаг на столе. – Странные вещи у нас творятся... Скажите, что вам известно о физиологе Марченко, о доценте Степанове?

– Фамилии вроде знакомые... – Лавров задумался. – Ну да, они работали в Институте в начале девяностых, я только сюда пришел. Но оба вскоре уехали, в Америку, кажется. Многие тогда уезжали. Больше я про них ничего не слышал.

– Вот видите, – прищурился Разуваев. – А какой-то юнец без штанов – слышал и интересуется.

– Что за юнец? – не понял Лавров.

– А, этот, наверное, в халате, – вмешался Кот. – Заходил с утра, прямиком из психушки, наверное. И куда только служба безопасности смотрит?

Кот невинно уставился на майора. Тот побагровел, но сдержался.

– А я-то здесь при чем? – нетерпеливо спросил Лавров. – У меня работа. Вы знаете, что сейчас в Зоне творится?

– Я не задержу вас надолго, – пообещал майор. – Просто вы – единственный, кто работал в институте с Марченко и Степановым.

– Я не работал с ними, – возразил Лавров. – Они физиологи, я физик.

– Тем не менее взгляните на это фото. Узнаете?

Майор пододвинул старую черно-белую фотографию. Каменный век, еще до «цифры» снято. Тем не менее Кот с удивлением узнал на ней того самого странного парня. Лавров, к его удивлению, тоже.

– Да, этого молодого человека я помню, – сказал ученый. – Вот с ним как раз и работала лаборатория физиологии. Не знаю уж, чем они там занимались. Вроде бы, его из эпицентра спасли, еще ребенком, в самый день Посещения. Имя у него было какое-то необычное...

– Аким, – подсказал Кот.

– Да, – Лавров с удивлением посмотрел на него. – Но ты откуда знаешь? Больше тридцати лет прошло.

– Не знаю, сколько там прошло, но он неплохо сохранился, – заметил Кот.

– Вы хотите сказать, что это он сегодня... – медленно произнес ученый.

– Да, – кивнул Разуваев. – Я уже выяснил кое-что. Оказывается, паренек-то непростой. С девяносто первого года лежал в больнице под капельницей – то ли в коме, то ли в летаргическом сне. А сегодня утром очнулся – и сбежал. И прямиком к нам.

– А от меня-то вы чего хотите? – спросил Лавров.

– Возможно, вы единственный, кого он помнит из институтских. Поговорили бы вы с ним, выяснили, чего он хочет. Странные вещи он говорит. Может, конечно, бред полный. Но я не специалист, чтобы делать выводы.

– Так и я не специалист по душевным заболеваниям.

– Но вы же специалист по Зоне и всяким ее штучкам?

– Не могли бы вы сформулировать вопрос конкретнее?

Майор сделал паузу. Кивнул:

– Он, малец этот, говорит, мол, с Зоной что-то происходит. Разрастается она или что-то в этом роде... Понимаете? Мы-то с вами люди информированные, а ему в бессознанке, в больничке, откуда знать?

– Где он?! – быстро спросил Лавров, и Кот подивился перемене, произошедшей с шефом. Тот стал похож на сеттера, сделавшего стойку на дичь. – Проводите меня к нему, немедленно!

– Вы полагаете, это может быть серьезно? – поинтересовался Разуваев.

– Я полагаю, у нас не осталось времени, – твердо сказал Лавров.

Искитим, Новосибирская область, год спустя

Что-то людно сегодня в «Радианте». Модным становится место, что ли? Обыкновенная рюмочная, и контингент здесь сомнительный. Вон какие рожи, тюрьма по ним плачет. Бандиты здесь появляются редко, даже если у них дела с Парфюмером. Да и тот светиться с братвой не любит, не комильфо это ему, видите ли. По всему видать, не местные. Понаехали, чтоб их. Медом здесь намазано, что ли? Пронюхали небось, что в заведении Парфюмера тусуются подпаленные Зоной бродяги. Сейчас многие вообразили себя сталкерами, полиция только успевает отлавливать. Модно, видите ли. А задницей на раскаленную сковородку садиться им не модно?

Наверное, так всегда бывает в смутные времена. Многие верят, что до наступления «конца света» лет пять осталось, не больше. Так что стоит прожить оставшееся время на полную катушку – пока все шесть Зон не расползлись окончательно и не сомкнулись, полностью покрыв собой планету. Мол, к тому моменту опытный сталкер будет в цене. Это они так считают. Надеются развлечься, а заодно карьеру сделать. Не понимают, что в Зону можно ходить, но жить там человеку никак нельзя.

Кот неторопливо потягивал в своем углу пиво из запотевшей кружки. Что-то тянуло его в это заведение, облюбован-

ное «новыми сталкерами». Сам он давно не был за периметром, хотя и считался в узких кругах крутым ходоком. Ведь именно он притащил первую «пустышку» из Зоны после ее многолетней «спячки». «Пустышку» удалось загнать вовремя и за хорошие деньги, пока хабар вновь не потек из Зоны, как в старые добрые времена, и цены не упали. На те бабки он и отвисает до сих пор в «РадIANте». Тогда ему едва удалось сдержаться, чтобы не спустить весь «кэш» в покер. Ну и ОМОНу спасибо, что вовремя устроил рейд и разгромил к чертям подпольный игровой клуб. Так что деньги удалось сохранить и даже долги раздать. Работа лаборанта – больше формальность, легальности ради. Да и жаль бросать такое место, после того как в Институт снова потекли денежки от мирового сообщества. Вон оно, новое здание, за окошком виднеется. Чудеса новых технологий и большого воображения архитектора. Вот что значит – неограниченное финансирование. Это вам не сожранный Зоной Академгородок, не к ночи он будь помянут.

За столик к нему подсел какой-то худощавый человек, лицо которого терялось в надвинутом капюшоне серой «мастерки» и в клубах сигаретного дыма. Плевать здесь хотели на запрет на курение в общественных местах. Орала музыка, ржали посетители, и очередной раздражитель не мог испортить благостного настроения. Даже то, что парень сидел неподвижно, явно разглядывая его, но при том не говоря ни слова. Кот отхлебнул пива, с прищуром оглядел незнакомца.

Сказал:

– И тебе добрый вечер!

Парень заерзал на своем месте, огляделся по сторонам. Снова уставился на Кота.

– Ты не узнал меня? – спросил он.

Голос был знакомый. Кот чуть подался вперед – и отпрянул.

– Аким? Что ты здесь делаешь?

В голове будто выключатель сработал. И тут же пронеслось все, что хотелось бы забыть – раз и навсегда. И тот странный разговор Лаврова с Акимом, и его, как тогда казалось, бредовые пророчества, и бесплодные попытки шефа организовать эвакуацию Академгородка, и беспомощность в ожидании неизбежного. И то, как спешно они покидали те красивые, безмятежные улицы. И сообщения новостных агентств на следующий день. Как уже по «ящику» он наблюдал панику, бегство жителей, попытки спасти ценное оборудование институтов, которые вдруг оказались посреди черных земель Зоны. И вид Новосибирского водохранилища, воды которого превратились вдруг в невероятный радужный кисель. И катастрофа на ускорителе элементарных частиц, после которой заткнулись все СМИ, и делом занялись спецслужбы... Все это было в прошлом. Как и стремление Лаврова спрятать Акима от организаций, которые стали проявлять к нему на редкость живой интерес.

Вот и спрашивается, чего этот пророк хренов явился сюда

снова? Опять беду кликать, что ли?

– Мне нужно в Зону, – сказал Аким.

Кот нервно рассмеялся:

– Всем нужно в Зону. Вопрос – зачем. Неужто в сталкеры решил податься? Молодец, мысль дельная. Это же такое веселое, прибыльное дело. Знай себе хабар тягай да денежки получай. Жаль, что возвращается только каждый десятый, да из них на свободе лишь половина.

Кот помахал официантке. Показал: «два пива».

– Я не собираюсь становиться сталкером, – спокойно сказал Аким. – Мне просто в Зону надо.

– Туристом, что ли? – Кот щелкнул зажигалкой, закурил. – Или «золотой шар» искать?

– Это мое дело, – твердо сказал Аким. – Мне нужно туда. Но я никогда там не был. Ты – единственный сталкер, которого я знаю. Поможешь мне? Денег у меня мало, но все, что есть....

Кот разглядывал парня. Аким смотрел в ответ своим ясным, как у ребенка, взглядом. Улыбка сползла с лица сталкера, от сигаретного дыма стало вдруг тошно. Поморщившись, Кот раздавил сигарету в пепельнице.

Как ему объяснить, что дело даже не в деньгах? Да и какие деньги может предложить этот странный парнишка? Проще было бы и вправду сходить в Зону, натягать хабара да сбыть Парфюмеру за приемлемую цену. И для этого совсем не нужны подначки со стороны всяких летаргических перцев.

Проблема в том, что он просто боится. Об этом никому не расскажешь – стыда ведь не оберешься. Но факт.

Не стоило убивать шатуна. Помнится, уже после Сдвига, когда все улеглось, и сталкеры стали возвращаться из Зоны с хабаром, он засобирался-таки слазить за периметр – просто чтобы не терять формы. Но в ночь накануне ему явился шатун. Во сне, разумеется. Но это было настолько страшно, что он напрочь потерял сон. Даже сейчас, вспомнив об этом, он покрылся холодным потом. А тогда совсем худо было. Только Шаман его спас. Станным, конечно, образом спас. Так и Шаман человек непростой: был он, говорят, до Посещения священником. Тогда церковь у власти не в чести была, но дело не в этом. Года не прошло, как его самого отлучили от церкви и анафеме предали. Вроде как узрели в нем нечто темное, сатанинское. Тогда бывший священнослужитель и стал Шаманом. Потому как он один занимался никому не нужными заблудшими душами сталкеров. Вот и Кота он от кошмаров избавил, собственноручно набив на плече и освятив татуировку в виде следа медвежьей лапы. Скажете, суеверие – но зверь перестал являться ночами. Оставив взамен на плече свой темный след.

Так что о Зоне не могло быть и речи. Она не ждала его.

– Слушай, малый, – заговорил Кот. – Не лезь туда, а? Ты, конечно, предсказатель знатный...

– Я медиум, – прервал его Аким.

– Кто? А, неважно. Я, конечно, благодарен за то, что ты

предупредил нас, перед тем как Академгородок накрыло. Только вот сталкер из тебя никакой. Идти с тобой – все равно что смерть за хвост дергать. Знаешь, как в картах: нет фарта – не лезь на рожон, сбрось свои и из-за стола сваливай. Так и мне с тобой идти фарта нету. И ты не ходи. Оставь эту глупую затею.

– Я не могу не идти, – твердо сказал Аким. В глубине капюшона сверкнули его глаза. – Мне надо туда. Понимаешь? Надо.

Кот нахмурился, внимательно разглядывая парня. Принесли пиво, а он даже не заметил.

– Прямо-таки надо? Хоть кровь из носу?

Аким не ответил. Он продолжал смотреть своим детским обезоруживающим взглядом. Что-то шевельнулось в душе, несвойственное сталкеру, который, как волк, всегда сам по себе. Какие-то чуждые порывы к благотворительности. Непонятно, откуда это в нем. Возраст, что ли? Или этот чертов медиум его гипнотизирует?

Он так и спросил его: гипнотизируешь меня, что ли? Аким рассмеялся в ответ:

– Нет, я так не умею. Предсказывать некоторые вещи могу, да и только.

Кот неторопливо осушил кружку. На трезвую как-то плохо думалось. Аким к своей так и не притронулся.

– Ну допустим, – медленно произнес Кот. – Тебе надо, чтобы я помог тебе попасть в Зону и сопровождал тебя ку-

да-то?

– Да.

– Попробуй убедить меня. Может, твоя затея стоит того, чтобы я все бросил и поперся туда с тобой, рискуя нашими задницами.

Аким помолчал немного, вертя перед собой кружку с пивом. И сказал:

– Видишь ли, Кот. Пока что я ничего не могу сказать тебе. Ты просто поверь: это действительно нужно. И не только мне одному.

– Ну что ж, – Кот театрально развел руками, – тогда я ничем тебе не могу помочь. Я не готов играть втемную.

Он откинулся на спинку стула с некоторым даже облегчением. Словно все решилось само собой, и теперь нельзя упрекнуть себя в трусости или намеренном предательстве старого знакомого. Но, встретив взгляд медиума, ощутил, что переигрывает.

Аким потерянно кивнул. Поднялся.

– Тогда я пошел, – сказал он. – Извини, что побеспокоил.

– Постой! – Кот вскинул руку. – И что ты собираешься делать?

– Пойду один, – просто сказал Аким. – Мне надо в Зону.

Неловко пробившись между столиками, он направился к выходу. Кот проводил его взглядом, уставился в кружку. Настроение было подпорчено. Вот надо же, только нервы заживать стали, жизнь вроде как налаживается – и тут это пугало!

Нет, здесь пивом не обойдешься...

Позвал официантку, отвесил пару скабрзных комплиментов, поболтал о всяких глупостях, заказал пятьдесят крепкого. Не успел закурить, как по ту сторону стола возникла новая фигура, и не менее неожиданная.

Майор Разуваев, собственной персоной. На этот раз в штатском.

– Ба, майор, какими судьбами? – обрадовался Кот. Он был уже порядком навеселе. – Прямо день приемов у меня!

– А что, был еще кто-то? – Разуваев принялся в своей манере сверлить собеседника взглядом. Но этим сейчас не возьмешь, пускай у себя в кабинете сверлит, а это заведение для отдыха предназначено.

– Расслабьтесь, майор, – оскалился Кот. – Принимаю исключительно горячительное. Кстати, как знал, пиво для вас специально. Угощайтесь!

Службиста не пришлось уговаривать. Он хлебнул из Акимовой, так и не тронутой, кружки и сказал:

– Опять на тебя материал пришел, Котляров. Вещички в тюрьму уже собираешь?

Ну что ты будешь делать! Майор просто неисправим. Ничего не оставалось, кроме как сказать со всей искренностью:

– И опять ошибка! Ничего противозаконного я не делал!

– А незадекларированные доходы от незаконных азартных игр? – жестко спросил Разуваев.

Кот прикусил язык. Панический голос внутри заскулил:

«Неужели он действительно что-то пронюхал? Теперь же из Института попрут!» Но тут же другой, рассудительный и практичный, голос заявил: «Хрена с два он что-то докажет!»

– Нет у меня никаких левых доходов, – улыбаясь, сказал Кот. – Болтовня это, злые языки.

– Ну нет так нет, – с каменным спокойствием продолжил Разуваев. – Перейдем к сути. Слушай, Котляров, помнишь, в прошлом году в Институте появился странный такой юноша? Босиком ходил, всякие вещи предсказывал...

Этот вопрос здорово поднял Коту настроение. Но нельзя службе безопасности так просто все карты выкладывать.

– Что-то не припоминаю. Столько всего было... А что такое? – невинно поинтересовался он, наблюдая, как Разуваев потягивает Акимово пиво. Ей-богу, рассказать кому – не поверят.

– Да ничего... – сказал Разуваев. Задумчиво уставился в сторону барной стойки. Там пара каких-то пижонов клеила девицу в красном. Майор снова повернулся к нему: – Слушай, если вдруг увидишь его – немедленно сообщи мне.

– Он что, натворил что-то? – с напускным равнодушием спросил Кот.

– Ты меня понял? – Голос майора стал жестким. – Немедленно сообщи мне! Это важно. Спасибо за пиво.

Разуваев ушел, оставив лаборанта в недоумении.

Что за дела? Почему Акимом снова заинтересовалась служба безопасности? Натворил чего? Или это как-то свя-

зано с его стремлением в Зону? Не зря ведь с этим парнем ученые возились столько. Лавров вон на его пророчествах карьере сделал, на нобелевку претендует. С другой стороны, какое ему, Коту, дело до всего этого? Никакой видимой выгоды.

Не надо себе врать. Не может он отсиживаться в стороне. Не может!

Он грохнул по столу кулаком. С соседнего столика скопились в его сторону. Кот ощутил, как напряглось тело, как делся куда-то хмель, как забилося сердце. Это было знакомое беспокойное чувство, бороться с которым он был не в силах. Такое сидит в каждом, кто хоть раз ходил по краю, кто привык принимать решения, для кого нет вопросов, не имеющих ответов. Жажда действия.

Этим вечером он сорвался. Кот сам не помнил, как оказался в клубе. Парфюмер держал свой притон на окраине, в подвале склада стройматериалов. Люди здесь были самые разные – от криминальных авторитетов до сотрудников Института, привыкших щекотать себе мозги и нервы. Зубов тоже был здесь, и Кот оказался за одним с ним игровым столом. По какой-то необъяснимой причине сталкер подозревал, что этот тип видит его насквозь. И сейчас тот ехидно пялился на него, будто зная, что сегодня сталкеру не видать фарту.

Кот сам понимал, что играть не стоит. Как говорится, против прухи мастерство бессильно. Святые слова. Когда

остальные игроки сбросили карты, они с Зубовым остались вдвоем. Игра достигла пика, и на столе последовательно разлеглись «флоп», «терн», «ривер». Осторожно, за уголки, приподняв свои карты, Кот подумал: неужели капризный фарт вернулся? Ведь теперь на руках у него был полновесный «флеш»!

Он двинул по сукну от себя половину всего, что имел. Зубов усмехнулся и ответил, прибавив еще сверху. Кот пристально вглядывался в глаза Зубова, но не мог понять, блефует ли тот. Взгляд за стеклами очков был непроницаем. Этот парень пытался спихнуть с пьедестала его шефа, нобелевского лауреата и ученого мировой величины. Неужто он так же хорош и в покере? Возможно. Но что он может противопоставить «флешу» с тузом-кикером?

– «Олл ин»! – сказал Кот. Это не было фигуральным выражением – он ставил всё, все свои сбережения. Глупо не идти ва-банк, когда ты уверен в победе.

– Отвечаю, – спокойно сказал Зубов.

– Открываем! – распорядился дилер.

Не отрывая взгляда от противника, Кот выложил своего туза и шестерку.

– Старший «флеш» на «пиках», – объявил дилер.

– Впечатляет, – согласился Зубов, открывая свои карты. – А теперь посмотрим, что у меня... Надо же, король и дама пик! К пиковым валету, десятке, девятке...

– «Флеш-стрит» на «пиках»! – бесстрастно объявил ди-

лер. – Игра сыграна.

Кот сидел в оцепенении, глядя, как Зубов сгребает его деньги. Все, что у него было. Вообще все. Вокруг толпились изумленные любители покера. Еще бы: «флеш-стрит» – редкое явление... По сути, такого вообще не бывает в обычной игре.

Зубов подмигнул ему – и растворился в толпе.

Что было дальше, он помнил плохо. Разве как бормотал в кулак заговоры на удачу, какие-то глупости, вроде: «что мешало счастью, прочь сдуваю, деньги и удачу верно привлекаю». Да еще – смутные картинки – как клянчил у Парфюмера деньги на отыгрыш, как Парфюмер внимательно глядел в его лихорадочные глаза – и молча давал столько, сколько просил сталкер.

Парфюмер знал, во что вкладывает деньги. Знал, что через час клиент спустит все подчистую и осознает, что оказался в страшной, безвылазной долговой яме. Что ему не останется ничего, кроме как нарушить свое затянувшееся безделье. Что единственный выход для проигравшегося игрока – оторвать задницу от барного стула и снова отправиться за своей эфемерной удачей туда, откуда струится в этот мир тоненький ручеек драгоценного товара.

В Зону.

Новосибирская Зона, сутки спустя

Аким стоял за деревьями, наблюдая, как вдоль проволочного ограждения неторопливо проползает бронированный джип. Мотор сварливо ворчал, радарный блок на крыше ревниво обшаривал лес за периметром. Обычный с виду лес. Не скажешь, что там, за деревьями, начинается лабиринт смертельных ловушек.

Машина огрызнулась черной гарью выхлопа и скрылась за холмом.

Пора. Нужно сделать все как учили. Аким натянул на голову черную вязаную маску. Неудобно, но теперь все так делают, чтобы не засветиться на камерах слежения. Поправил на плечах рюкзак легкомысленной расцветки. И начал быстро спускаться с холма, переходя на бег. Выскочил на просеку, пересек вельвет контрольно-следовой полосы и бросился к столбу с черной меткой, нанесенной краской из баллончика. Если Щербатый не соврал, здесь в проволоке имеется малоприметный лаз.

Найти лаз оказалось непросто. Он был виден только под определенным углом. Обнаружив его, Аким бросил в дыру рюкзак, стал протискиваться следом. Зацепился за острый металлический шип и сжал зубы от боли. Ловкости ему явно доставало. Послышался шум мотора: патруль возвращался. Отчаянно дернувшись, с треском оставляя на проволоке

ключья одежды, перекатился на ту сторону. Движение проволоки не осталось незамеченным: где-то мерзко заблеял сигнал тревоги, и тут же взвыл за холмом на повышенных оборотах двигатель. Аким схватил рюкзак и бросился к зарослям. За спиной едко загрохотал пулемет, на голову посыпались сбитые пулями ветки. Пробежав сотню шагов, он перешел на шаг. Стрельба прекратилась, и можно было рассчитывать на то, что преследовать не будут. Военные и полиция без приказа в Зону не сунутся.

Остановился, огляделся. Ну вот. Он сделал это. Нужно пройти всего несколько километров. Где-то там, впереди, его ждут места, знакомые с детства. Даже долгие годы странного, похожего на анабиоз сна не стерли из памяти воспоминаний. Он шел по тропинке и улыбался. Никогда еще он не был в лесу. Всю жизнь вокруг серые стены лабораторий, люди в белых халатах или в военной форме. А здесь так красиво, так тихо, свежо и спокойно.

Аким не понял, как оказался на земле. Он лежал на боку и не мог выдернуть застрявшую в чем-то ногу. Приглядевшись, он не заметил ничего, что могло бы держать его. Просто тропинка, просто сухая земля да поверхность булыжника, чуть присыпанного хвоей. Только подошва кроссовка почему-то намертво приклеилась к этому самому камню. Неловко поднялся. Дернул ногой раз, другой. И вдруг с ужасом заметил, как нога погружается в глубину странного камня. Он ощутил себя мухой на клейкой ленте. В панике при-

нялся извиваться в стремлении вырваться из непонятной ловушки. И стал погружаться всем телом. И, только когда погрузился по пояс, оставил эти бесплодные попытки.

Красота и спокойствие оказались ложью. Зона показала свое истинное лицо. Еще пару часов, с угасающими силами, он повторял бесплодные попытки вырваться. Как результат, над поверхностью булыжника торчали теперь лишь голова и плечи. С каждым вдохом грудь все больше сдавливало, дышать становилось тяжелее. Вздохи становились короче, судорожнее и вскоре перешли в хрип. Солнце клонилось к закату, на ветвях, зловеще неподвижные, ждали молчаливые вороны Зоны.

Это был конец.

– Здорово, Саид, – донесся сверху насмешливый голос. – Ты «Белое солнце пустыни смотрел»?

Аким непонимающе таращился снизу на спасителя, все еще не веря своему везению. Уже выбравшись, Аким долго не мог прийти в себя. Говорить было трудно. Так что говорил Кот:

– Красиво тебя Щербатый подставил. Что же ты с этой стороны в Зону полез? Все знают, что здесь «зыбучий камень» кругом. В одиночку вляпаешься – не вылезешь.

Аким откашлялся и сипло произнес:

– А ты откуда здесь взялся? Ты ж идти не хотел...

Кот усмехнулся:

– Не хотел. Да понял, что ты упертый и впрямь на рожон

полезешь. Тут же не только Зона, тут люди еще похлеще будут. Про бандитов местных слышал?

– Не-а...

– Дела. – Кот присел на камень, покачал головой. – Ну куда же ты полез, отрок, а?

Аким молчал.

– Ладно, – Кот закурил, сплюнул. – И почему я такой добрый? Не могу просто грех на душу брать, младенца на верную смерть отправлять.

– Я не младенец, – откашлявшись, возразил Аким.

– Ну да, ты сталкер бывалый, – сказал Кот, осматриваясь. – В первую же ловушку вляпался. Вот скажи, почему по тропе этой идти нельзя?

– Почему?

– Потому что люди в Зоне по тропам не ходят. Стало быть, какая это тропа?

– Какая?

Кот оглядел парня, вздохнул. Послал же Бог попутчика, простых вещей не понимает.

– Не человеческая это тропа, вот какая, – сказал он.

– Не человеческая... – повторил Аким, уставившись на сталкера. Глаза его расширились. – А чья?

– А кто его знает, – туманно сказал Кот.

Про шатуна вслух не говорят. Тем более после того, как стал его кровным врагом. Остается надеяться, что пронесет.

Он подергал лямки рюкзака, на всякий случай попрыгал,

проверяя, не бряцает ли что. Подосадовал на спешку – не успел захватить дробовик. Это было неприятно. Говорят, теперь в Зоне без оружия никак. Ну это добыть при желании можно. Главное, чтобы Зона на него не окрысилась. Кот сунул руку в карман, достал тусклый металлический диск. Давний свой талисман – олимпийский рубль восьмидесятого года. Подкинул, поймал на ладонь, прихлопнул другой, спросил:

– Орел или решка?

Аким пожал плечами:

– Орел.

Кот ухмыльнулся, убрал ладонь. Глянул.

– Смотри-ка, угадал! Тогда наше счастье, – сказал он, прикидывая путь. – Идем, укрытие искать надо. Не ровен час, стемнеет не по графику.

– А что, может стемнеть раньше времени? – двигаясь вслед за спутником, спросил Аким.

– Это Зона, парень. Здесь что угодно быть может.

Это была напускная бравада. На душе было тревожно. Ведь он соврал.

Выпала решка.

Глава вторая

Туда, не знаю куда

Новосибирская Зона, лето 2016 г

– Ты видел?! Нет, ты видел?

Черная тень бесшумно пронеслась над головой, на миг закрыв собой небо. Кот инстинктивно шарханулся в сторону, успев рассмотреть жуткое нечто. Было оно похоже на ската, вроде чудовищной манты. Только совершенно черное, как ночное небо. Даже померещилось, будто в этой черноте действительно сверкнули звезды. И похоже, ему не было дела до двух людей, раскорячившихся внизу, на влажном мху.

– Ты видел это? – уже спокойнее повторил Аким.

Кот молча кивнул. Сейчас он должен был похлопать спутника по плечу, объяснить ему, что это было, успокоить. Но тело сковало непривычное чувство. Кот не сразу понял, что это – обыкновенный страх.

– Фу-ух... – Он заставил себя выдохнуть. – Так и начинают во сне под себя ходить...

Он подмигнул спутнику. Аким улыбнулся в ответ. Что ж, роль лидера можно считать восстановленной. Однако он здорово отвык от сюрпризов Зоны. Нужно привыкать заново.

– Зоне – почтение, сталкеру – прощение... – оглядываясь, процедил он. Любимая Шаманова присказка, простейший заговор, который должен звенеть в ушах у каждого, кто хочет выжить в Зоне. И смысл у нее понятный: помни, человек, свое место в Зоне. Не забывайся.

Осторожно, «на мягких лапах», Кот продвигался вперед. Аким послушно брел следом. Надо побыстрее выбираться из этой чащи. Елки здесь неправильные, кривые, изломанные, колючки жесткие, как гвозди. Чавкающий мох какой-то, гуляет вроде как волнами. И эти странные шишки. Одну, не удержался, сунул в рюкзак, чтобы потом рассмотреть как следует.

Нехорошее место, Кот прямо нутром чуял.

Да и вообще, странное было состояние. Он словно впервые оказался в Зоне. Хоть и прошел какой-то год с последней ходки, но Зона изменилась. Трудно понять, что именно поменялось, но сталкерская «чуйка» никогда не подводила. Бывает такое в Зоне, когда накатывает. Обостряются привычные чувства, появляются новые, неизвестные в нормальной жизни. Мир вокруг становится объемным, осязаемым, и в какой-то момент даже кажется: вот-вот сейчас откроется главная истина, и в один миг ты получишь ответы на все вопросы. Познаешь, так сказать, суть вещей.

Так она дразнит. Привязывает к себе, манит, как наркомана за новой дозой. Некоторые действительно верят, что однажды получат здесь ответы на все вопросы. Только вранье

все это. Не дает Зона ответов. Только ставит все новые и новые вопросительные знаки. В этом ее, Зоны, суть. Понимать надо.

А Зона и впрямь менялась. Тайга. Не было здесь раньше никакой тайги, редкие заросли, да и только. Как за какой-то год вымахали эти мрачные ели – одной Зоне известно. Жутковатые места, хотелось побыстрее отсюда выбраться.

Зона изменилась, и не в лучшую сторону. Но куда больше изменился он сам. Не было больше азарта, с каким он выскивал лазейки в охране периметра, нырял в эти опасные пространства и бродил, пытаясь найти загадочные штуковины из чужого мира. Ничего этого не осталось.

Тревога. Вот что теперь занимало все его существо. То ли дурной глаз убитого шатуна, то ли собственные страхи сделали Зону еще более чуждой. Кто бы из заглядывавших в рот «крутому сталкеру» по кличке Кот мог догадаться о том, что творится у него на душе? Зря он полез сюда, ей-богу зря. Нужно провести этого беспокойного малого, куда тому надо, да побыстрее возвращаться. Видать, был такой сталкер по имени Кот, да весь вышел.

В какой-то момент ему почудился чей-то взгляд. Словно за ними внимательно следил кто-то или что-то. Кот уже и озирался, и резко оборачивался, пугая спутника, но заметить никого не мог. Лес был пуст и мертв, несмотря на всю эту бурную растительность.

И вдруг он понял. На них смотрят деревья. Эти здоровен-

ные корявые ели, которые, будто склонившись, разглядывают козявок у себя под ногами. Показалось даже, что верхушки чуть поворачиваются в их сторону, провожая холодными взглядами. Ощущение было настолько неприятное, что Кота бросило в пот и едва не стошнило.

– Что за черт... – пробормотал он. Хлопнул себя по лицу ладонью, стремясь прогнать наваждение. Но избавиться от навязчивого ощущения не мог. Сунул руку в карман, сжал монету-талисман, прошептал: – Не прошу, не плачу, держу в руке удачу...

И, зазевавшись, едва не вылетел на поляну. Благо хватило опыта и реакции, чтобы вовремя замереть на месте да схватить за рюкзачную лямку Акима, который с ходу полез было на эту приветливую лужайку. Парень повалился на спину, в мягкий мох, и тот, заинтересовавшись, принялся облизывать упавшего тонкими побегами.

– Чего это ты? – таращась на него с земли, спросил Аким.

– Чего разлегся? – отрывисто спросил Кот. – Не ровен час, сожрут тебя эти листики.

Аким быстро поднялся, принялся судорожно отряхиваться. Кот усмехнулся: может, мох-то как раз и не так опасен. Подумаешь, шевелится. В Зоне опасно как раз то, от чего этого меньше всего ожидаешь.

– Не суйся поперек батьки в пекло, – посоветовал сталкер.

И полез в карман за гайкой. Вот сколько бы ни шаманили эти ученые, сколько бы новых приборов в своем Инсти-

туте ни склепали, а ничего лучше гайки так и не придумали. Самое надежное средство, никогда не подводит. Только вот Зона большая, таскать с собой целый мешок железа – приятного мало. Кот примерился – и от бедра, как в боулинге, отправил гайку в центр полянки. Блестящая железка едва оторвалась от ладони, как вдруг резко, со свистом, ушла влево. Аким тихо вскрикнул. Кот побледнел: до верной гибели ему не хватило пары шагов. Да еще матюкнулся мысленно: путь ведь только начался – так гаек не напасешься.

– Видал? – мрачно усмехнулся он. – Так бы и с тобой было. Только улетал бы ты по частям. Человек не гайка, он вещь хрупкая.

– Что это было? – облизав пересохшие губы, спросил Аким.

– «Комариная плешь», гравиконцентрат, как ее ученые называют, – пояснил Кот, прикидывая, куда бы швырнуть вторую гайку. – Оттого-то здесь и деревья не растут – в землю их вплющивает.

– Так чего мы тогда тут стоим? – спросил Аким, озираясь. – Пойдем и дальше лесом.

– Умный ты больно, – подкинув в ладони гайку, произнес Кот. – «Комариную плешь» я знаю, вокруг нее другая дрянь не уживается. А лес этот мне не нравится до кишечных колик. Так что вокруг полянки пойдем, вон к той ложбинке между холмиками. Там и привал сделаем.

Так и поступили. Обозначив гайками путь, двинулись по

краю поляны. Кот затаил дыхание. Только сейчас он вспомнил: «плешь» – штука обманчивая, может и в сторону отрокток кинуть. Это ж только с виду приятная такая полянка. На деле – жуткая язва, болото, до краев наполненное смертью. Если не понимаешь этого – долго здесь не протянешь. Нужно было глядеть в оба, чтобы не гробануться на ровном месте, но Кот то и дело косился на спутника. Аким шел рассеянно, пялясь по сторонам и, похоже, не воспринимая ситуацию всерьез.

– Так... – произнес Кот, едва они достигли безопасного участка. – Похоже, кому-то из нас жить надоело.

Он сжал кулаки – до боли, до хруста. Потный страх от первой встречи со смертью искал выход и находил его в злости. Будь на месте Акима кто другой – сразу зарядил бы по морде. Чтобы не расслаблялся. Потому как в Зоне всегда так: из-за одного растяпы погибает опытный сталкер. И наоборот – вдвоем шансы на выживание возрастают. Если второй, конечно, не тупая овца, безмозглое мясо на поводке...

Кулаки разжались сами собой. Глядя в глаза Акиму, сталкер понял: этого ударить он не сможет. Не такой это человек, чтобы учить его уму-разуму, валяя мордой, как кота, в собственной луже. Нужно было просто найти правильные слова. «Просто»... Что может быть сложнее, чем найти правильные слова?

Он бросил рюкзак на серую землю. Здесь было не так живописно, и почва грубая, и пыль – зато все привычное, на-

дежное. Земное. Сел на рюкзак, вытянул из-под себя флягу. Устало отвинтил крышку, хлебнул, глядя на Акима снизу вверх. Тот стоял, что называется, «как поставили», топчась на месте и потерянно озираясь. Станный малый. И чего это он так заинтересовал ученых? Да еще и службистов, чтоб их...

– Сядь, не мельтеши! – бросил Кот.

Аким послушно сел прямо на землю. И только после этого принялся стаскивать с плеч неудобный рюкзак.

– М-да... – протянул Кот. – И как только ты умудряешься в своих предсказаниях не путаться. Предсказатель...

– Я не предсказатель, – отозвался Аким. – Я медиум.

– А разница?

– Я не знаю точно... – Аким дернул плечом. – Так в лаборатории меня прозвали. Вроде предсказатель, он как бы от себя предсказывает, свою версию будущего. А медиум сам ничего не толкует. Он всего лишь посредник.

– Так ты посредник? – Кот разглядывал Акима из-под полуприкрытых век. – Между кем же?

– Я не знаю, – тихо сказал Аким. – Иногда мной говорит
Голос.

– Голос?

– Да. Но чей это Голос, и зачем он говорит, я не знаю. И никто не знает, сколько ни пытались понять. Я все детство провел в лабораториях. Все, что помню, – это провода, аппаратура, электричество, шприцы, капельницы, препараты... –

Аким нахмурился, замолк.

Кот подождал немного. Не дождавшись продолжения, спросил:

– И что же?

– И ничего, – Аким издал странный сухой смешок. – Как-то решили на мне попробовать новый аппарат. Там использовались какие-то странные штуки из Зоны. Тогда я не знал, что такое Зона. На голову еще нацепили такой обруч из белого металла. Он не касался головы и тихо так вращался, будто висел в воздухе. Как нимб на иконе.

– «Белая вертячка»! – оживился Кот. – Редкая штука! И, что дальше было?

– А дальше, – Аким бледно улыбнулся. – Дальше я очнулся. И как оказалось, пролежал без сознания двадцать четыре года.

– Да уж... – немного разочарованно протянул сталкер. – Не много ж пользы ты принес науке.

– А я считаю, что это хорошо, – неожиданно жестко заявил Аким. – Незачем людям знать про Голос. Лучше бы его вообще никогда не было...

Он замолчал, уставившись в землю, погруженный в собственные мысли. Видать, непросто жить на свете с неведомым Голосом в голове, да еще провалявшись двадцать лет на больничной койке. Одно только настораживает: что такой, на голову стукнутый, парень ведет его черт знает куда, а он послушно идет вслед за ним на веревочке. Как баран на бойню.

Размышления прервал голос спутника:

– Я все тебе расскажу. Когда придет время.

Аким пристально смотрел ему в глаза, словно читая его, Кота, незатейливые мысли. И снова сталкеру стало не по себе.

Будто с ним вдруг заговорила сама Зона.

Кот проснулся посреди ночи. Проснулся мгновенно, как это бывает, когда включается «чуйка» на опасность. Еще не сообразив, что происходит, медленно полез из спального мешка, одновременно подтаскивая поближе саперную лопатку. Замер, вслушиваясь в темноту.

И обмер.

Прямо над ухом раздался отрешенный голос – будто у робота из старого фильма. Так сразу и не поймешь, что говорит твой старый знакомый:

– Он следит. Он следит за вами.

Едва различимый во мраке силуэт был неподвижен и су-тул. Аким сидел, чуть склонив голову, и глядел на него сверху.

– Он идет за вами. Он идет.

Это было жутко. Кот слушал в оцепенении, не в силах пошевелиться. Лишь увидев глаза парня в лунном свете, понял: тот говорит во сне. Схватил Акима за плечо и с силой встряхнул. Клацнули зубы, речь прервалась. Аким закашлялся и сонно спросил:

– А? Случилось что?

– Спи давай, – буркнул Кот. – День завтра тяжелый.

Аким повалился на коврик из упругой «пенки» и тут же уснул спокойным сном младенца – словно и не дрых четверть века до этого. Кот же уснуть не мог. Как же, уснешь после такого. Он сидел, поджав колени, на смятом спальнике и курил, по сталкерской привычке, в кулак.

По небу медленно ползли звезды, перестраиваясь в незнакомые созвездия. Говорят, здесь можно увидеть чужое небо, будто смотришь с другой планеты. Вон две звезды слились в одну, сверкнули – и стали расплываться ядовито-красным пятном. А может, это просто плыло перед глазами от усталости. Нужно снова привыкать к Зоне. А Зоне нужно привыкать к нему.

Хотя как к этому привыкнуть... Вспомнилось, как мальчишками они впервые залезли за запретную территорию. Периметр большой, дыр в нем много, особенно для вездесущих малолетних разгильдяев. Так что залезть было нетрудно, да и не очень-то страшно поначалу. Что они знали тогда про настоящую Зону? Достаточно было самого запрета, чтобы захотелось во что бы то ни стало проникнуть туда – на глазах длинноногой, умопомрачительной красавицы Танечки. Их двое, она одна. Каждый пытается произвести впечатление крутого парня и даже не думает о том, что Танечке на них наплевать – ее интересуют парни постарше и желательнее на солидной тачке. И два самонадеянных идиота лезут

на тщательно охраняемую помойку, будто в хранилище государственного банка. Через час они уже забывают и про сучающую по ту сторону «колючки» Танечку, и про то, какие они крутые парни. Потому что другая дама являет им свой лик. Лик жуткий, как разложившийся чумной труп, как лицо самой Смерти, скрытое в глубине черного капюшона. Она смотрит на них в упор и обдает ледяным смрадом своего дыхания. Она выбирает. Глупые дети не знают еще, что она выбирает себе любимчика на этот вечер, они видят лишь приближающийся, искрящийся, как шаровая молния, радужный шар. Шар замирает в воздухе, и они заворожено любят этим чудом. А после Зона делает выбор.

В тот день она выбрала другого. И потому Кот сидит сейчас здесь, посасывая сигарету за сигаретой, и не может отделаться от наползающих воспоминаний. Просто радужный шар, коснувшийся любопытного паренька. И его тело, расплывшееся вдруг по поверхности радужной пленки, как узор на мыльном пузыре. Пух – пузырь лопается, и потрясенный Кот остается в одиночестве. Такое он больше никогда не встречал и ни от кого не слышал про подобное. Но никогда и ни с кем не делился увиденным. Даже не дал название этой ловушке. Словно не хотел признавать, что все это случилось на его глазах.

После такого сходят с ума. Возможно, это произошло и с ним: он стал сталкером. Будто случившееся с другом не отталкивало, а, напротив, притягивало его к Зоне. Все сталке-

ры психи. Не хабар им нужен, и даже не адреналин. Тут что-то другое – то, что трогает те струны, которые в большом мире спрятаны в самой глубине души.

Потому лишь там, на людях, он – циничный и острый на язык пройдоха, здесь же, наедине с Зоной, его пальцы нервно крутят монету-талисман, а губы беззвучно шепчут заговорные слова:

– Через порог переступаю, гадюкою выползаю, всем врагам рот затыкаю. Я не иду, а еду черным волом, чтобы у всех моих врагов язык стал колом...

Он так и не уснул. С рассветом растолкал Акима и молча наблюдал, как тот сонно складывает коврик, отряхивается, поправляет одежду.

– Ничего не хочешь сказать? – поинтересовался Кот.

– А? – Аким выпрямился, посмотрел на него покрасневшими глазами. – Идем в сторону Бердска.

– Об этом я уже догадался, – сказал Кот. – Хотя спасибо за доверие. Ценю. Я хотел спросить про то, что было ночью.

– А что-то было? – Аким напряженно посмотрел на сталкера.

Он не помнит. Может, просто разговоры во сне? Не такое уж редкое явление, особенно среди неврастеников.

– Да так, ничего особенного, – Кот вскочил, сунул руки в лямки рюкзака, подтянул, защелкнул поясной ремень. Хлебнул воды из фляжки, огляделся. – Готов?

Аким кивнул. Кот с сомнением прикинул маршрут. До

Бердска по прямой – несколько километров. В нормальном мире расстояние небольшое. Но в Зоне своя география.

– Значит, так, – сказал он. – Мы с тобой сейчас – как богатыри на перепутье. Прямо идти нельзя. Эти места я помню – там дальше порченная земля, запросто порчу подхватить. Потом еще третий глаз вырастет...

– Правда – третий глаз? – простодушно спросил Аким.

– Или второй нос, – отозвался Кот. – На заднице. Это кому как повезет. Так что прямо мы не пойдем. Можно попробовать слева обойти. Но того пути я не знаю, ну его в баню. Остается двигаться вправо. Доберемся до железной дороги – попробуем вдоль нее... Правда, придется пройти через Лебедевку... Ну ничего, как-нибудь прорвемся.

– А что там такого, в этой Лебедевке? – спросил Аким.

– Болтают разное, – туманно ответил Кот. – Сам-то я после Сдвига там не был.

– А почему не пойти прямо по дороге? – Аким указал туда, где у километрового столба ржавел старый «КамАЗ».

– Потому что! – буркнул Кот. – Можно было бы по дороге – пошли бы по дороге. Только я не знаю никого из тех, кто бы по ней куда-то дошел.

Они побрели на восток. Ели по правую руку сменились высокими корабельными соснами. Кот невольно потянулся к саперной лопатке. Убрал руку. Пустое. Перед шатуном лопатой махать бесполезно. Надо надеяться на удачу да еще на статистику. Ну не может он две ходки подряд с шатуном

встретиться. Не бывало ни с кем такого. Да еще говорят, мол, шатун в Зоне один был. Выходит, теперь шатуна нет.

Но оружие раздобыть было бы неплохо.

– Не отставай! – бросил он через плечо. Хотелось побыстрее проскочить шатуны заросли.

Приблизились к дороге и залегли в десяти шагах. Кот внимательно осмотрел окрестности. Все вроде в норме. Но что-то мешало с ходу форсировать преграду.

– Почему мы боимся этой дороги? – тихо спросил Аким.

– Потому что мы боимся любых дорог, – терпеливо пояснил Кот. – Не для людей они в Зоне.

– А для кого? – Аким продолжал свой дурацкий допрос.

– Для смерти! – отрезал Кот.

И прикусил язык. Совсем он позабыл правила. Не говорят здесь такое. Даже не думают об этом.

– А как же железная дорога? Мы ж вроде к ней идем?

– То совсем другое дело... – начал было Кот, но заставил себя заткнуться.

Болтливый сталкер – мертвый сталкер. Жестом приказал Акиму: вперед! И стал наблюдать за тем, как парень движется в сторону дороги. Старое правило: новички вперед. Если там ловушка – ему вытаскивать на себе этого чудака. Нет, вроде ничего, прошел. Так откуда же это беспокойство? «Чуйка», она никогда не подводит. Выждал еще с полминуты и двинулся следом. Похоже, все в норме. Но назойливое беспокойство не проходило.

И тут он кое-что вспомнил.

– Скажи-ка, Аким, – присев на жухлую траву по другую сторону дороги, спросил он. – Ты лунатизмом не страдаешь?

– Чего? – удивился парень.

– А во сне разговариваешь?

– А, в этом смысле, – Аким кивнул. – Бывает. Только не я говорю. Голос.

– Голос?

– Ну я же объяснял – я посредник, медиум...

– И он всегда говорит правду, твой Голос?

Аким пожал плечами:

– Иногда он говорит непонятные вещи. Я видел записи в лаборатории, там снимали мой сон на видео. Но оба Сдвига он предсказал точно...

Кот молча скинул рюкзак, выдернул из ременной петли лопатку. Крутанул в руке пару раз. Сказал Акиму:

– Жди меня здесь. Если я не вернусь...

Аким оборвал его:

– Он что-то сказал? Голос?

Кот повторил:

– Жди меня. И не вздумай идти в одиночку. Сгинешь.

Он быстро поднялся и, чуть пригнувшись, побежал вдоль дороги. Шагов через триста осторожно перебрался через потрескавшийся асфальт и вновь оказался по ту сторону. И двинулся вдоль дороги в обратную сторону. Осторожно, почти ползком. Шагов через сто замер. И залег в траву. Отсюда,

с небольшой возвышенности был неплохой обзор. Кот пожалел, что не взял с собой бинокль. Ну так никогда не знаешь, что в Зоне понадобится, а тащить на себе лишнюю тяжесть глупо. Лежал так минут двадцать. Когда уже решил, что все его предположения – всего лишь плод больного воображения, увидел его.

Пожалуй, он не заметил бы эту фигуру, если бы не высматривал специально. Человек не шел – крался, как дикая кошка, то и дело замирая и оглядываясь. Не было сомнений: он двигался целенаправленно.

В точности по их следам.

Кот ощутил, как потемнело в глазах. Страшно было не то, что кто-то следил за ними. Страшен был тот всезнающий Голос, сообщивший об этом. Сталкер скрипнул зубами. Не время предаваться панике. Чтобы задавить в себе разрушительный страх, нужно действовать. Осторожно, как барс на охоте, он двинулся вперед.

Мало что так помогает сталкеру, как опыт службы в разведоте. Об армии осталось мало хороших воспоминаний, но кое-какие навыки намертво впечатались в спинной мозг. Оттого так удобно лежала в руке саперная лопатка, она же «малая пехотная», оттого и вскипала кровь при приближении к противнику. О том, что за ними крадется не просто заблудившийся турист, а именно враг, можно было догадаться с самого начала. Но теперь Кот убедился окончательно. Ему удалось обойти незнакомца со спины, и вот он осторожно

разглядывал его шагов с двадцати из-за редкого кустарника.

Человек был хорошо сложен, поджар, затянут в роскошный нештатный камуфляж и к тому же – прилично вооружен. Даже отсюда была видна кобура на бедре, мощные ножны с торчащей из них рукоятью, но главное – за спиной у него, надежно притянутая ремнем, красовалась винтовка ВСС, в просторечии «винторез». Вещь непростая, кое-что говорящая о владельце. Сейчас он возился с каким-то прибором, явно намереваясь пересечь дорогу, за которой терпеливо дожидался Аким.

На миг Кот ощутил сомнение. Он сталкер, а не бандюк. И без того хватало проблем с властями. В этот момент он почему-то не подумал, что противник наверняка опытнее и сильнее его. Просто вновь вспомнился жуткий Голос, вещавший устами Акима, и это будто пинком подтолкнуло вперед.

Еще несколько шагов удалось сделать незаметно. А затем незнакомец насторожился – и Кот ринулся на него, как зверь из засады. Ему повезло: противнику требовалась секунда, чтобы избавиться от прибора в руках и развернуться на шум. Но уже не было времени, чтобы применить оружие. Сталкеру хватило мгновения, чтобы понять: этот тип сильнее его во всем, и атака почти не имеет шансов. Но это же добавило его броску отчаянности и силы.

Все решила внезапность. Незнакомец ловко увернулся от удара лопатой. Но Кот буквально снес его, вложив в бросок всю энергию разбега. Он оказался чуть быстрее, успев раз-

вернуться и с силой двинуть врага по затылку черенком лопатки. Незнакомец обмяк и повалился на землю.

Не теряя времени, Кот принялся стаскивать с него оружие и ремни. Туго связав незнакомцу руки и ноги, уселся рядом и принялся осматривать трофеи. Помимо «винтореза» с парой запасных магазинов ему достался пистолет Макарова, грозного вида нож с черненым лезвием и компактный, но увесистый вещмешок, до содержимого которого руки пока не дошли. Вертя в руках пистолет, Кот вдруг ощутил себя мародером. Перевел взгляд на пленника и прогнал это ощущение. Оно было признаком слабости. Вряд ли этот тип вооружился так, чтобы поиграть с ними в прятки. Да и «винторез» – отнюдь не оружие самообороны. Его берут с собой только с одной целью – убивать.

Впрочем, глядя, как приходит в себя пленник, Кот тихо порадовался, что не убил человека. Во-первых, это все-таки грех, почти как шатуна грохнуть. Во-вторых, из этого типа, возможно, удастся вытянуть какую-нибудь важную информацию.

Связанный застонал, дернулся, пытаясь высвободиться, и открыл глаза.

– Привет, – беззлобно сказал Кот. – Как самочувствие?

Пленник уставился на него тяжелым взглядом. Неприятный взгляд, чего уж там. Наверное, перебирал варианты, каким образом болезненнее наказать наглеца. Кот погладил пальцем спусковой крючок пистолета. Не хотелось бы дово-

дить дело до этого, но...

– Дурак ты, – хрипловато сказал незнакомец. – Зачем по голове бил? Поговорить нельзя было?

Кот нервно хохотнул:

– А ты всегда разговариваешь с теми, на кого через «оптику» смотришь?

Пленник скосился в сторону отобранной «снайперки».

– Ты все не так понял, – сказал он.

– А как еще это понимать? – поинтересовался Кот. – Как фотоохоту, что ли?

Незнакомец с сомнением разглядывал сталкера. Тот демонстративно зевнул, поглядел на часы.

– Этот парень... Аким... Он опасен, – выдавил, наконец, пленник. Было видно, как непросто ему даются эти слова.

– Ну, допустим, я сам об этом догадываюсь, – равнодушно отозвался Кот. – И что дальше?

– Нельзя ему идти дальше, в глубину Зоны. Его надо остановить.

– Обоснуй! – потребовал Кот.

– Это секретная информация, – глядя в сторону, с какой-то тоской сказал связанный.

– Звучит солидно. Да только и в игре колоду не меняют.

– У тебя же будут проблемы, парень, – пообещал пленник. – Из Института попрут – это как минимум. А то и посадить могут.

– Ты из институтской службы безопасности, что ли? –

предположил Кот. Прищурился, внимательно вглядываясь в лицо незнакомца. – Что-то я не помню тебя. Да и нет у нее таких полномочий, чтобы с оружием в Зону лазить.

– Я из другой организации, – сказал незнакомец. – Посерьезнее этой вашей службы. Так что лучше развяжи меня. Обещаю, что буду считать инцидент исчерпанным.

– Да что ты говоришь? – восхитился Кот. – И меня даже не накажут?

– Сделаю все, что смогу, – искренне пообещал пленник. – Может, даже поспособствую в поощрении.

– Заманчиво, – с готовностью покивал Кот. – Я подумаю. А ты пока тут лежи.

Кот принялся собирать трофеи.

– Не глупи, братишка... – наблюдая за ним, неуверенно проговорил связанный.

– В картишки нет братишки, – рассеянно отозвался Кот. Поднялся, собрал трофеи и, не оглядываясь, направился в сторону дороги.

– Стой! – окликнул его пленник.

Кот остановился, выжидающе глядя на связанного. На лице у того отражались противоречивые чувства. Наверно, перспектива остаться одному в Зоне, да еще связанному, была не настолько радостна, чтобы продолжать строить из себя героя.

– Ты должен еще кое-что знать, – произнес незнакомец.

– Вот с этого и надо было начинать, – сказал Кот, возвра-

щаяся. – Во-первых, как ты нас выследил?

– По изотопному следу. Вон сканер, – человек кивнул в сторону брошенного прибора. – Твой приятель помечен изотопом. Точнее, его обувь...

Кот поднял с земли тяжелый прибор в металлическом корпусе, с монохромным экраном, на котором в координатной сетке мерцала зеленая точка.

– Имя-то у тебя есть? – поинтересовался Кот, продолжая вертеть эту штуковину. – Сам небось все про нас знаешь.

– Глеб меня зовут, – отозвался связанный. – Поверь, против тебя я ничего не имею. Но твой приятель не так прост, как кажется...

– Ну-ну, – процедил Кот, исподлобья глядя на этого Глеба. Нельзя ему доверять. Он таких повидал. По всему видать – то ли из ГРУ, то ли еще из какой силовой структуры. Там специально обучают безжалостности и циничности. Для них нет никаких рамок. Сейчас он его развяжет, может, даже вместе хлебнут из фляжки за знакомство, руки пожмут. А через минуту этот гад свернет ему шею. И не со зла, и не в интересах задания даже, а просто как свидетеля его слабости. Впрочем, выслушать его по-любому стоит.

– Так вот, – продолжал Глеб. – Может, ты знаешь, что этот парень предсказал последний Сдвиг Зоны?

– Еще бы!

– А знаешь ли ты, что он предсказал еще кое-что, – Глеб выдержал паузу. – Само Посещение.

Потребовалось время, чтобы до сталкера дошел смысл сказанного. Кот нахмурился, соображая:

– Постой... Посещение? Не может быть... Это же когда было? Ах да...

Он вспомнил и про странный «летаргический сон» Акима, и про то, что его, действительно, нашли в самом эпицентре непосредственно в день Посещения. Это все время выпадало из памяти, так как было слишком невероятным – как и то, что, при всей своей инфантильной внешности, фактически Аким был вдвое его старше. Но если пленник говорил правду, становился понятен столь пристальный интерес к мальчишке со стороны институтских.

– Согласен, это необычный факт его биографии, – сказал Кот. – Но разве это повод, чтобы гоняться за ним с оружием?

– А ты не задавался вопросом: откуда у него это желание – отправиться в Зону? – спросил Глеб.

– Мне-то какое дело? – Кот пожал плечами. – Я тоже не в первый раз в Зоне.

– Ты – сталкер. Тоже занятие сомнительное, но вполне понятное. А ему зачем? Что он знает про Зону?

И тут до Кота дошло. Что называется, осенило:

– Он идет в родной город. Туда, где его нашли после Посещения.

– Вот именно, – кивнул Глеб. – Точнее, туда, где он предсказал Посещение. А еще точнее – в эпицентр Зоны. Не улавливаешь связи?

– Не особо. Может, его ностальгия замутила.

– Дурак ты, – просто сказал Глеб. Он сказал еще что-то, все говорил и говорил, но Кот не слушал. У него снова проснулась «чуйка»: опасность витала рядом. Он пристальнее всмотрелся в лицо пленника. И понял: тот заговаривает ему зубы. Тянет время.

– Ты ждешь кого-то? – оборвав его речь, быстро спросил Кот. – Ты не один? С группой идешь?

– С чего ты взял? – удивился Глеб. Вышло это у него фальшиво.

Не говоря больше ни слова, Кот жахнул лопатой по экрану следящего прибора. Посыпались искры, экран погас. Подумав, невзирая на протесты пленника, стащил с него растоптанные «берцы». Подхватил трофеи и быстро направился в сторону дороги. Связанный что-то кричал вслед, но сталкер не слушал. Заметил торчавшую из бокового кармана рюкзака антенну, выдернул за нее рацию, вырубил и швырнул в сторону: ее обладателя вполне могли пеленговать. Сам он, как и большинство сталкеров, ни мобильником, ни рацией в Зоне не пользовался. Во-первых, из тех же соображений скрытности, а во-вторых, потому, что не любит Зона мобилы – они «жгучий пух» и «жарку» притягивают. Не говоря уж о том, что беспроводная связь в Зоне практически не работает.

Перекатившись через асфальтовое полотно, сполз на противоположную обочину и увидел Акима. Тот стоял, глядя в даль. Туда, где ждал манящий его город. Кот задумчиво

прикусил губу. Может, не так уж и неправ этот Глеб? Что, если Аким и вправду – слепое орудие какого-то там Голоса? Об этом стоило подумать. Но после. Сейчас нужно делать отсюда ноги.

– Скидывай лапти! – бросив под ноги Акиму трофейные «берцы», приказал Кот.

Аким непонимающе вытаращился на него.

– Давай-давай, быстро! – торопил Кот. – Только осторожно – подошвы не трогай. Наденешь эти – малы точно не будут.

Без лишних вопросов Аким принялся стягивать кроссовки – незачем и дальше следить всю дорогу. Тем временем Кот быстро осматривал содержимое захваченного вещмешка. Помимо коробки патронов к «винторезу» обнаружили пакеты концентратов и пластиковая бутылка с водой. Негусто. Ну так и они сюда не грабить пришли.

Пистолет поначалу показался лишней тяжестью. Можно было отдать его Акиму, но Кот не был уверен, что тот сумеет им воспользоваться в нужную минуту. А вот винтарь этот – штука классная. Кот заворуженно погладил приклад, толстый кожух ствола. Передернул затвор, вслушиваясь в музыку металла. С такой штуковиной не хотелось расставаться, хоть и понятно: за нее и посадить могут. Но что-то подсказывало: в Зоне запахло жареным. Так что стволы пришлось кстати.

Наверное, так и становятся «боевиками». Стоит только

нарушить закон и получить в руки оружие. Но сейчас про последствия думать не хотелось. Это было редкое чувство – собственной правоты и силы.

– Обулся? – спросил Кот.

Аким кивнул, разглядывая носки чужих ботинок.

– Тогда двинули!

До окраины Лебедевки добрались быстро. Только входить в село не спешили. Лежа за вросшим в землю бетонным блоком, Кот оглядывал местность через оптический прицел. Было безлюдно и пусто. Как на кладбище.

– Что там? – с любопытством спросил Аким.

– «Русская рулетка», – отозвался Кот.

– Это как? – не понял Аким.

– Есть такая забавная игра, – пояснил Кот. – Зона любит, когда в нее играют другие.

Аким промолчал. Вряд ли он что-то понимал. Кот знал ненамного больше. Самому ему через Лебедевку ходить не доводилось. Зато приходилось слышать рассказы тех, кто там побывал. Вещи рассказывали странные. Больше всего смущал разноречивость версий. Зона, конечно, коварна, но ее ловушки в большинстве случаев предсказуемы. Если это «жарка» – она тебя именно поджарит, а не заморозит насмерть, если «мясорубка» – так перекрутит, перемелет в фарш, и ждать от нее другого не приходится.

В Лебедевке не было аномалий в обычном для Зоны смыс-

ле. Просто войдя в нее с одного конца, нельзя быть уверенным, что выйдешь с противоположного. Невозможно понять, на каком перекрестке ты вдруг поменял направление и, вместо того чтобы идти прямо, свернул, к примеру, направо. И, свернув не туда, можно было навсегда сгинуть из этого мира, запутавшись в лабиринте измерений, – так считали некоторые. А может, человек просто испарялся – кто его знает. Ясно было только одно: из Лебедевки возвращался только каждый седьмой. И самое неприятное: здесь перед входом никто не может знать, каким он окажется по счету. Это как револьвер с единственной пулей в барабане: крутанув его, не знаешь, «пронесет» ли тебя или напротив – вынесет мозги с нажатием на спусковой крючок.

Но вот парадокс: ходить через Лебедевку не прекращают. Потому что это самый короткий путь. Говорят, он даже менее опасен, чем путь в обход, где в более привычных ловушках гибнет уже каждый пятый. А еще – счастливчик испытывает на выходе несравнимый ни с чем кайф. Может, дело в выплеске адреналина. А может, это особое свойство «рулетки». Так или иначе, Кот знал психа, который ходил через «рулетку» трижды.

И сейчас он мучительно пытался понять, какими по счету должны быть они с Акимом. Он точно помнил, что недавно здесь сгинул Горбун. После него ходило четверо – это те, кого он знал. А вот ходил ли еще кто-то – наверняка не мог знать никто.

– В обход пойдем? – тихо спросил Аким.

– Можно и в обход... – сказал Кот. Он продолжал прикидывать шансы.

За спиной послышались голоса. Может, конечно, показалось, но тут же вспомнилась группа, что наверняка шла вслед за Глебом. Возможно, его успели найти, и теперь преследователи форсировали погоню.

– Хода нет – ходи с «бубей»... – пробормотал Кот. Тихо поднялся и кивком поманил за собой Акима.

Самое время сыграть в «русскую рулетку».

Не успели они достигнуть домов, как Кот спинным мозгом почувствовал на себе чей-то взгляд. Резко обернувшись, увидел на пригорке знакомую фигуру, теперь с биноклем. Этот тип разглядывал их, как микробов под микроскопом. Тут же рядом с ним появилась еще одна фигура, вооруженная. Тот, с биноклем, указал в их сторону. Преследователи, не торопясь, направились к ним. Наверное, считали, что у добычи нет шансов.

Кот отвернулся, глянул вперед. Перед ними была обыкновенная сельская улица. Пыльная, неровная, с брошенным у забора трактором. Только дома были на удивление аккуратные, нарядные, словно только что отстроенные. Нет, это больше походило на декорацию. Такое же условное, нежилое, картонное.

– От меня ни на шаг! – жестко приказал Кот.

Он не знал, поможет ли это. Если про «рулетку» говорят

правду, а шестеро уже прошли здесь, кто из них двоих будет считаться седьмым? Тот, кто впереди, или тот, кто сзади? Старший или тот, кто помоложе? А может, оба? Ответ мог дать только опыт.

Где-то за спиной приближались враги, и хотелось, не раздумывая, броситься вперед. Стоило больших усилий сдерживать себя. Не любит Зона торопливых. С каждой новой жизнью, сгнувшей здесь, она учит терпению. И они шли – медленно, ощущая свое продвижение, будто двигались в вязкой жидкости, вслушиваясь в тишину и тихое эхо собственных шагов.

Дома по обе стороны улицы поражали аккуратностью и чистотой. Сверкающие, будто только что вымытые стекла, накрахмаленные занавесочки, пышущие жизнью растения на подоконниках. Все бы это было естественно, если б не знать, что горшки год стоят без полива. И резким диссонансом ко всей это декорации мелькнул за одним из окошек черный кот. Живой, лоснящийся, с огромными оранжевыми глазами. От его взгляда сталкеру стало не по себе. Черт его знает, как он здесь выжил? Как выходит из дома, что жрет? Да и кот ли это вообще или призрак? Слышал он рассказы о способностях кошек ходить между мирами. В таком случае Лебедевка для них – лучшее место.

Они дошли до перекрестка и остановились. И хоть считается, что «рулетка» делает выбор за тебя, Кот не хотел в это верить. Он верил только своему чутью. Вглядевшись в даль,

он нахмурился. Эта улица должна была вывести напрямиком к железнодорожной станции.

А значит, по ней идти нельзя ни при каких обстоятельствах. Он толкнул спутника локтем:

– Куда пойдём – направо или налево?

– Налево, – не задумываясь, ответил Аким.

– Идём направо! – решил сталкер.

Двинулись по поперечной улице. И тут же словно окунулись в другой мир. Вся эта неестественная декоративность улетучилась. Перед ними были мертвые дома с выбитыми стеклами окон, стены с осыпавшейся штукатуркой, покосившиеся заборы, сгоревшие машины. Двери домов были распахнуты. Под ногами валялись полуистлевшие тряпки. В продавленных колеях застыли черные лужи, несмотря на сухую погоду. Серый скелет сдохшей коровы, раздавленная колесами ворона. Здесь все напоминало об эвакуации. Брошенные вещи, брошенные дома, брошенная жизнь.

Они подошли к следующему перекрестку. И снова попали в декорации фальшивого благополучия. Свернули налево, продолжая углубляться в село. И остановились как вкопанные.

Из-за угла прямо на них вышел человек в камуфляже. Крепкий такой громила с автоматом. Он смотрел прямо на них, и Кот понял, что не успеет сдернуть с плеча винтовку. Пистолет, тот вообще валялся в кармане рюкзака. Если их сейчас не пристрелят, то наверняка скрутят и отправят ту-

да, откуда не возвращаются. Громила медленно поднял ствол автомата. Аким глазел на него широко раскрытыми глазами, в которых не было страха – одно лишь удивление. Словно кино смотрел. Кот приготовился к худшему.

Но произошло неожиданное. Громила сделал шаг в их сторону – и вдруг неестественно развернулся на девяносто градусов. Показалось даже, что его тело потеряло объем, стало каким-то плоским, двухмерным. Да так и потопало в сторону, по боковой улице, продолжая высматривать кого-то поверх прицельной планки.

– Чего это он? – удивленно спросил Аким.

– Видать, седьмой... – скосившись на спутника, проговорил сталкер.

Он представил, как этот несчастный со своим автоматом гонится за призраками в мире теней. Не хотелось думать о том, что и они могли попасть в такой вот лабиринт измерений без шанса на возвращение. Но на этот раз «рулетка» сыграла в их пользу.

До станции дошли без приключений. Преследователи, наверное, тоже знали про «рулетку», а потому не пёрли напролом, как тот неудачник. Так что можно было надеяться на выигрыш во времени.

Пути были заставлены брошенными грузовыми платформами, цистернами, локомотивами. Всего этого железа следовало сторониться. Вон оно, поросло «мочалами», это словно знак: «Не суйся!» В другое время Кот и не стал бы сю-

да соваться. Сейчас же на хвосте висели суровые мужчины, по уши нагруженные оружием. Два «косяка» подряд должны были их здорово разозлить, так что попадаться им под горячую руку не стоило.

Сталкер опустил на колени, пригнулся, заглядывая в просвет между платформами.

– Под вагонами полезем, – сказал он Аким. – Смотри только осторожнее – не зацепи «мочала».

– Ага... – отозвался тот.

Кот с сомнением посмотрел на спутника. Куда ему под вагонами лазить? Весь он такой нескладный, неловкий, обязательно вляпается. Послал же Бог напарника!

– Рюкзак сними, – приказал сталкер. – Перед собой толкай. Башкой не верти – за мной ползи след в след. И в землю вжимайся, как ящерица, понял?

– Да понял я, – улыбнулся Аким. Он смотрел на сталкера, как на ребенка, который пытается вовлечь взрослого в свою игру. Злиться на него бесполезно, нужно просто свыкнуться, принять как данность.

Кот вздохнул, отвел взгляд и принялся стаскивать рюкзак. Поманил за собой кивком и нырнул под пузатую цистерну с облупившейся надписью «Огнеопасно!». Винтовку и рюкзак он волок в правой руке, чтобы ненароком не зацепить свисающие со всех сторон «мочала». Мерзкая штука, влезешь – может и покалечить. А бывало, человек в них запутается – так они впиваются в него, с эдакими шипением, парализуют,

как стрекательные клетки у медузы, и остается от того одна только иссохшая мумия.

Переполз через ржавый рельс, оглянулся. Аким не отставал, довольно шустро работая локтями. Может, он и неправ – выйдет из парня толк. Главное, не давать ему расслабляться.

Черт! Размечтался – и едва сам не вляпался! Перед глазами чуть заметно искрилась тоненькая такая паутинка. И колыхалась так медленно, будто законы тяготения ей не писаны. А рядом еще паутинка, и еще. Они тянулись, перекрывая путь, от цистерны к противоположному рельсу. Слышал он истории про паутину, и все как одна с печальным концом. Может, это была и самая обыкновенная, земная паутина, ну так береженого Бог бережет.

– Аким! – рыкнул он через плечо. – Паутину видишь? Смотри не коснись!

– Ага... – глухо донеслось сзади.

Пришлось свернуть и ползти по шпалам чуть ли не под всем составом. В какой-то момент показалось, что они сами себя в тупик загоняют: «мочала» теперь были по обе стороны и струились прямо-таки настоящими зарослями. Под конец Аким чуть не застрял под локомотивом: рюкзак он таки не снял и плотно зацепился лямкой. Пыхтя и исходя потом, Кот выдернул застрявшего и пополз дальше. Весь в пыли и в машинном масле вылез, наконец, под оскаленной мордой тепловоза.

– Уф... – выдохнул Кот, подымаясь. Потянулся, разминая

затекшие руки и оглядывая округу. Впрочем, отсюда не было видно ничего, кроме ржавых вагонов и закопченных фар тепловоза. Заглянул под локомотив, ухватил Акима за лямки рюкзака и вытащил на свет божий. Будто роды принял.

Сели на рельсы, переводя дыхание. Благо ни паутины, ни «мочал» здесь не наблюдалось. Но все же расслабляться было рано. Кот глотнул воды из трофейной пластиковой бутылки, передал Акиму. Тот машинально сделал глоток, вернул бутылку.

Нужно было добраться до конца этого пути и пересечь еще один. Там их должен ожидать кое-какой весьма полезный бонус. Если, конечно, не соврал Плешивый. Хотя мог и соврать, он трепло знатное. Только не принято на таких вещах дезу подкидывать. Скрыть хабарное место или удобный маршрут – это нормально, так как дает преимущества в извечной борьбе за профит. Но подставить в вопросах выживания – это не по-пацански. Одно дело, когда сливают новичков. Это естественный отбор, все прошли через это. Но кидать брата-сталкера – себе дороже. Тех, кто грешит этим, рано или поздно вычисляют. И нет гарантий, что гаденыш не сгинет однажды в Зоне, да так, что никаких концов не найдешь.

Они обошли сошедший с рельсов, покосившийся маневровый тепловоз и остановились у большой кучи мусора, наваленной в заброшенном тупике. Кот быстро раскидал куски рубероида и пыльной полиэтиленовой пленки, и под ними

на рельсах обнаружилась неказистая колесная конструкция.

Плешивый не подвел. Дрезина была на месте. Оставалось надеяться, что мотор на ней не сдох окончательно и осталось хотя бы немного горючки. Как же она заводится? Пока Кот пыхтел с мотором, Аким закидывал вещи на маленькую платформу.

Дрезина эта тоже непростая. Явно самодельная, с мотором от мотоцикла, построенная уже после Сдвига, в самой Зоне. Кто сделал эту штуковину, неизвестно. Плешивый клялся, что впервые увидел ее, когда она выкатилась по рельсам из тумана прямо ему навстречу. Тихо, по инерции, с выключенным движком. И в ней никого не было. Плешивый якобы завел ее, погрузил хабар, влез сам и встал перед дилеммой: ехать в туман, откуда эта штуковина приехала, или туда, куда ему было надо, то есть к Лебедевке, от которой у него был прямой лаз из Зоны. И не рискнул в туман соваться. Хотя, возможно, там оставался хозяин дрезины и, может, нуждался в помощи. Оттого, мол, он, Плешивый, и пьет по-черному – совесть его мучает. Как же! Была бы у Плешивого совесть, может быть и мучила бы. Трепло он, Плешивый, трепло и алкаш потомственный.

Мотор чихнул раз, другой – и завелся. Кот подтолкнул платформу и запрыгнул следом. Ехали неторопливо и метров через триста попали, как и положено, в туман. На этой штуке всегда в туман въезжаешь. Так говорят. Почему – вопрос неуместный. Хуже, если бы тумана не было, потому что

никто еще без тумана на дрезине не ездил. В тумане ехать спокойно, даже какое-то умиротворение наступает. Словно Зона дает здесь отдохнуть от самой себя. А от самого себя, уже попав в Зону, отдыхаешь. Век бы так ехал и ехал.

– Почему по обычной дороге идти нельзя, а по железной ехать можно? – спросил Аким. Голос его звучал как-то приглушенно, сухо.

– Не знает никто, – лениво сказал Кот. – Просто проехал кто-то – и выжил. Значит, здесь ездить можно. Пока Зона опять не изменится.

Какое-то время ехали молча, погрузившись каждый в собственные мысли. Или, напротив, ни о чем не думая. Мерно стучали колеса, вгоняя в какой-то особенный транс. Потом Кот сказал – в пустоту, не глядя на Акима:

– Знаешь, а ведь не соврал твой Голос. Может, он даже жизнь нам спас. Так что я верю тебе, Аким.

Он сделал паузу и добавил:

– Тебе. Не Голосу.

Глава третья

Бандитские земли

Километра через четыре Кот сбавил скорость. Дрезина замедлила ход и, заскрежетав, уперлась в завал из железного хлама. Вправо и влево от завала в туман уходила трехметровая бетонная стена с ржавой «колючкой» поверху. До Сдвига здесь проходила граница Зоны. Сейчас стена была лишь напоминанием о тщетности усилий отгородиться от неизбежности. Впрочем, стена по-прежнему оставалась границей, только совершенно иного рода. Кое-кто видел в этой стене и колючей проволоке что-то до боли знакомое. Лагерное.

Некоторое время они продолжали сидеть неподвижно, словно не желая выходить из особого рельсового транса. Потом зашевелились, посбрасывали на насыпь вещи. Кот повозился с механикой, снова завел дрезину – и отправил обратно. Тихо тарахтя, платформа покатила в туман.

Кот машинально сунул руку в карман. И обмер.

Монеты не было.

Липкий ужас нахлынул ледяным потоком. В глазах потемнело, ноги стали ватными. Издав какой-то нечленораздельный звук, он бросился вслед за набирающей ход платформой. Споткнулся на шпалах, упал, поднялся, шатаясь, как

пьяный, ринулся следом. Бесплезно – дрeзина растворилась в тумане. Как в трансе, он обернулся. Дикими глазами уставился на спутника. Будто не талисман пропал, а какая-то жизненная сила, что придавала ему уверенность и сам смысл существования. На негнущихся ногах он вернулся к спутнику.

– Не это потерял? – спросил Аким, протягивая руку.

На узкой ладони лежала монета.

Кот ощутил, как его бросило в жар – то ли от стыда, то ли от какой-то примитивной дикаркой радости, то ли от ощущения самого настоящего спасения. Он молча взял монету, с напускным равнодушием опустил в карман. Сердце все еще продолжало биться с болезненной прерывистой частотой.

– А как же назад? – глядя вслед укатившей дрeзине, спросил Аким.

– Назад не возвращаются тем же путем, – с напускной бодростью отозвался сталкер. – А что, ты уже домой засобирался?

– Нет, это я так... А те, кто за нами гонится, не смогут на ней приехать?

– Это вряд ли, – сказал Кот. – Они ее не найдут.

А сам подумал, что здорово сглупил, поступив согласно неписаному кодексу сталкера: не вреди ближнему. Ведь что-то подсказывало: как бы не пришлось менять правила. Первое уже нарушено – не брать в руки боевого оружия. Странное дело: ни винтовка, ни пистолет отнюдь не добавляли чув-

ства собственной безопасности. Раньше он ходил в Зону с охотничьим дробовиком, а до этого – вообще с одним ножом. И тогда, с ножом, он чувствовал себя куда спокойнее. Потому что Зона не любит оружия. Судьбы бандитов то и дело это доказывают.

Только деваться некуда. Ведь идут они в самые что ни на есть бандитские места. Это раньше, до Сдвига, урки были расслабленные, вялые. Знай себе растили марихуану на «газированной глине» и бед не знали. А после Сдвига им будто крышу сорвало – все стали как бешеные.

Потому как попер хабар. Деньгами запахло. И кровью.

И потому, подумав, Кот протянул Акиму пистолет:

– На, возьми на всякий случай.

– Зачем? – спросил Аким, машинально принимая оружие.

Держал он его нелепо, кончиками пальцев. Казалось, пистолет жжет ему руки.

– На бандитскую территорию входим, – пояснил Кот. –

Здесь всякое может случиться. Стрелять умеешь?

– Н-нет... – пробормотал Аким. Протянул пистолет об-

ратно: – Не надо. Я не буду стрелять в людей.

– Пацифист? – усмехнулся Кот. Но пистолет забрал с некоторым даже облегчением. Он не мог представить себе стреляющего Акима.

– Просто не смогу. – Аким дернул плечом. – А почему эта территория – бандитская? Не было там отродясь никаких бандитов.

– Проспал ты все самое интересное, – усмехнулся Кот. – Про девяностые годы слышал?

– Ну кое-что слышал.

– «Кое-что»... Счастливчик!

Кот многое мог рассказать про то, что творилось здесь в те лихие годы. Собственно, в девяностые все для него и началось. Сам он был сопливым мальчишкой, когда полным ходом шел передел Зоны. В советское время ведь кто мог в Зону соваться? Только институтские да военные. Контроль был строгий, не то что на Западе, в каком-нибудь там Хармонте. Лазали, конечно, и всякие любители острых ощущений из местных, но такие вылазки носили, скорее, случайный характер. Да и были то в основном грибники да охотники, наслушавшиеся рассказов про грибы с глазами или про какую мутировавшую живность. А так – больше ребятня, шпана малолетняя. Любили таскать из запретных мест всякие странные штучки, чтобы друг перед другом хвастаться да девчонок пугать. Или, там, уроки сорвать, училке в сумку «зуду» подкинув. А про ловушки смертельные тогда толком ничего и не знали – спасибо секретности. Вот так то один в Зоне сгинет, то второй. ЧП, конечно, были бы на всю округу. Да комитетчики на корню такие дела глушили. Так что тишь да гладь, лишь народ потихоньку редет.

С другой стороны, кому она нужна была, эта Зона, в семидесятые-восьмидесятые? Куда хабар сбывать? Это вам не Запад, где корпорации эти хреновины с руками отрывали, в

Союзе так денег не заработаешь. А схлопотать срок за здорово живешь мало кому хотелось. Когда активность Зоны упала и хабара почти не осталось, вообще наступила затишье.

И вот подоспели девяностые. Все началось с малого Сдвига девяносто первого года. На какое-то время Зона опять стала прежней, и оттуда снова потекли все эти игрушки. Только время было уже совсем другое – теперь все это можно было продавать, и продавать за хорошие деньги. Теперь платили твердой свободно конвертируемой валютой. И все словно взбесились. В Зону полезли толпами, и на волне наступившей свободы военные какое-то время смотрели на это сквозь пальцы. Конечно, большая часть из тех ходоков плохо кончила. Поначалу главной бедой были ловушки да порча, что от Зоны приключается.

А потом в Зону пришли бандиты. Ясное дело, такое денежное и противозаконное занятие не могло остаться без внимания криминальных группировок, которые только начинали борьбу за влияние. Сталкеров пытались обложить данью, установить контроль за движением хабара. Но через пару лет Зона снова поутихла, поток хабара иссяк, и этот рэкет накрылся.

Зато резкий старт взял другой бизнес. В те времена наркотрафик только начинал свое бурное развитие, но уже тогда какому-то умнику пришла в голову неплохая мысль: попробовать выращивать зелье на бросовых землях Зоны. Идея была проста и гениальна: Зона безлюдна, тщательно охра-

няется, и притом сама охрана внутрь не суется категорически. А учитывая, что в Зоне по каким-то неведомым причинам царит вечное лето, лучшего места для культивирования запрещенной растительности просто не найти. На этом престоупный гений не остановился. Наркоторговцы принялись экспериментировать с местными условиями. И вскоре оказалось, что, скажем, «газированная глина» ускоряет темпы роста марихуаны в разы. Не говоря о тех свойствах, которые приобретает наркотик, выращенный в таких условиях. Говорят, «экзотика», как называют зелье из Зоны, вызывает у наркоманов совершенно невероятные «приходы». Но главное – устойчивое привыкание с первого раза.

Так что бандитам было за что бороться в Зоне. До последнего Сдвига им практически никто не мешал, и бандюки занимались лишь внутренними разборками за сферы влияния. Но год назад все изменилось, в Зону снова полезли за хабаром. И теперь бандиты ревностно охраняли территории, которые считали своими.

Кот не особо боялся уголовников. Его знали и в этой среде, особых претензий не предъявляя. К тому же сейчас они не за хабаром шли и посягать на бандитские интересы не собирались. Но и гарантий безопасности тоже никто не давал. Так что хорошо было бы просто проскочить мимо плантаций незамеченными. На это и рассчитывал сталкер, перебираясь через завал.

Их ждал неприятный сюрприз. Сразу же за стеной начина-

лись заросли кислотно-зеленого цвета. Кот растерянно оглядел округу. Всюду, насколько хватало взгляда, нагло красовались развесистые листья ядовитого каннабиса.

– Вот черт... – проговорил Кот, сплюнув. – Никак спрос поднялся. Раньше здесь была полоса свободной земли.

– А что, мы не можем пойти через эти кусты? – спросил Аким.

– Доктора не советуют, – отозвался сталкер. – Это на редкость активная дрянь, ее даже внутрь принимать не нужно, так достанет.

Кот обернулся. Из тумана по ту сторону стены вот-вот могли показаться преследователи. Придется рискнуть. Порывшись в рюкзаке, выдернул единственный респиратор. Глянул на Акима. Ладно, в случае чего он вытащит парня на себе. Нацепив респиратор, сталкер прыгнул с груды металлолома. Аким послушно последовал за ним.

Наркотическая зелень была здесь выше человеческого роста. На «газированной глине» конопля перла, как раскачанный культурист на стероидах. И пахла соответственно. Едкая вонь проникала даже сквозь фильтр респиратора. Кот ускорила шаг: нужно побыстрее выбраться на чистую землю.

– Не отставай, – глухо бросил он спутнику, – надышимся этой мерзостью – мало не покажется.

Аким не отставал. Жесткие ветки больно хлестали по лицу, начинала гудеть голова. Вдобавок в зарослях мелькнула какая-то подозрительная тень. Сначала Кот решил – показа-

лось. Затем где-то впереди зашевелились ветки. И начали с треском ломаться, приближаясь быстро и страшно. Это было что-то большое. Очень большое и быстрое.

– О, нет... – Онемевшими пальцами сталкер сдернул винтовку. Вскинул, вжав в плечо, глядя поверх оптического прицела, выпалил скороговоркой заговор от неизвестного врага: – Кручу-верчу, усмирить врага хочу, твои слова оборачиваю, к духам поворачиваю...

Оно надвигалось. Резкими рывками, целенаправленно, будто заранее знало, где искать добычу. Когда расступились ближайшие стебли, и показалась черная тень, Кот не выдержал и вдавил спусковой крючок. Выстрела не последовало. В ужасе он судорожно давил проклятый крючок, пока не сообразил, что забыл снять оружие с предохранителя. Все это произошло в доли секунды, а еще миг спустя с диким криком Кот высадил весь магазин в жуткую тварь, полезшую на него из зарослей.

Издав какой-то невероятный звук, тварь заметалась, отпрянула, валя тушей снопы каннабиса. Была это какая-то чудовищная смесь гусеницы и медведки циклопических размеров, невысказанная даже здесь, в непредсказуемой мутагенной среде Зоны.

– Аким, ты видел?! – заорал Кот. Обернулся.

За спиной никого не было.

– Ты где? – Кот растерянно огляделся. – Аким!!!

Под ногами валялся рюкзак и слетевший с ноги парня бо-

тинок. Сердце пропустило удар. Не раздумывая ни секунды, меняя на ходу магазин, Кот бросился в противоположную от стены сторону. Если Акима схватила такая же тварь – дело плохо! Откуда здесь такие монстры? Отожрались на гигантской марихуане?! На них патронов не напасешься! Кот с трудом пробивался сквозь заросли, яростно распихивая длинные стебли прикладом. Едкий пот вперемешку с пылью заливал глаза, страшные тени обступали со всех сторон. Хуже было только одно – остаться в одиночестве посреди этого леса зеленой смерти.

– Аким! – дико кричал он. Респиратор мешал. Сдернув маску, сталкер снова кричал, срывая голос. – Аким, я здесь!

Он не успел среагировать. Гигантская сороконожка вынырнула из темноты меж стеблей, взвилась кверху, раздулась как кобра, нависнув над головой, – и бросилась прямо в лицо. Он успел еще нажать на курок.

Но через мгновение тварь откусила ему голову.

Он открыл глаза.

И ощутил поразительную ясность в голове. Это казалось странным: ведь он четко помнил, что умер. Был сожран кошмарной тварью.

Или нет?

– Ты жив? – раздался в вышине беспокойный голос. Знакомый.

Кот сделал чудовищное усилие и сел. Тут же ясность ушла

– в голове будто взорвалась граната. Его вырвало.

– Ой-йо... – прохрипел он. – Воды...

В руке сама собой появилась пластиковая бутылка с водой. Он сделал несколько жадных глотков. Тупая боль в голове не проходила.

– Что это было? – проговорил он непослушными губами. – Я застрелил ее?

– Кого? – спросил Аким. Это действительно был Аким – живой и вроде бы невредимый.

– Ну эту, сороконожку огромную...

– Я не видел... – растерянно произнес Аким.

– Ну да, ты же куда-то делся тогда...

– Куда я делся? – не понял Аким.

– Ну ты пропал куда-то, и я побежал тебя искать...

– Нет, – странным голосом сказал Аким. – Не так все было.

Аким замолчал. Кот недоверчиво скосился на парня:

– А как, по-твоему, было?

Аким помолчал немного, с сомнением глядя на спутника.

Сказал:

– Ну... Ты шел, шел. Потом вдруг сорвал с плеча винтовку, стал стрелять.

– В тварь?

– В меня.

– О... – Слова застряли у сталкера в горле. – Всю обойму – в тебя?

– Не волнуйся, ты не попал, – поспешил его успокоить Аким. – Ни разу.

– Черт... – Кот схватился за голову. – Это все дрянь наркотическая, надышался... А потом что было?

– Потом ты бежал куда-то, звал меня. А я за тобой. Я тоже тебя звал, но ты не слышал.

– Вот черт... – Сталкер судорожно массировал виски. – Постой... А тебя что же, не торкнуло?

– Как это?

– Ну... Не подействовала на тебя вонь эта?

– Да нет вроде... Мне еще в лаборатории говорили, что я невосприимчив к наркотикам. Ведь это были наркотики, верно?

– Верно-верно... Вот же проклятие... Выходит, это ты меня на воздух вытащил?

– Да.

– Что ж, получается, вернул ты мне должок. – Кот нервно усмехнулся. – И давно я в отключке? Часа два небось?

– Два дня.

Кот непонимающе уставился на Акима. Это что же, шутка? Нет, Аким совсем не походил на шутника.

– Допустим... – проговорил Кот. – И что же ты делал эти два дня?

– Лекарства тебе колол, – просто сказал Аким. – Нашел у тебя в рюкзаке аптечку. Ты совсем синий был, думал, умрешь.

– А ты разбираешься в лекарствах?

– Немного. Я же вырос в лаборатории.

– А-а... И что же, так два дня и сидел, скучал?

– Не, я еще и другого отхаживал, – невозмутимо продолжил Аким.

– Не понял... – произнес Кот. – Какого такого «другого»?

– Того, в которого ты выстрелил. Перед тем как потерять сознание.

Кот обмер. Отчаянно напряг память. Но не смог вспомнить никого, кроме нависшей над ним гигантской сороконожки. Последнее, что оставалось в памяти, – его выстрел. Он просто не мог не выстрелить в эту тварь. А дальше – темнота.

– Час от часу не легче... – пробормотал Кот, пытаясь подняться. Получилось не с первого раза. – Где он?

– За камнем, – указал Аким. – Решил, что ему лучше в тени. Я ему транквилизатор вколол.

Сталкер уже не слушал. Пошатываясь и спотыкаясь, он направлялся к булыжнику по соседству. Рядом с камнем лежал чужой короткоствольный «калаш». В душе шевельнулись неприятные предчувствия. Кот заглянул за камень. И выругался с досады, длинно и смачно.

Подстрелить бандита на бандитской же территории было верхом идиотизма. Или невезения, что, в общем, одно и то же. И даже наркотический трип здесь не сойдет за отмазку.

Ведь он знал этого типа с задранной на лоб противоголозом.

Это был Штырь, известный наркоторговец и бандит крутого нрава. Заодно – смотрящий за плантациями местной преступной группировки. Как их – «мичуринские», что ли? Насаживали дерьма, мичуринцы недоделанные, зла не хватает... Но что же теперь с ним делать?

Первой мыслью было его просто грохнуть. Прибить гада, пока тот в отключке. Так было проще всего решить проблему. Пуля в голову, тело в яму. И концы, соответственно, в воду. Никто его не хватится, все понимают: Зона, здесь жизнь – копейка.

Это была слабость. Мерзкая, постыдная слабость – добить раненого. Но Кот уже готов был прикончить бандита, пока тот не пришел в сознание. Рука сама подтянула висевший на ремне «винторез», легла на рукоять, палец коснулся спускового крючка...

– Сделай это. Сделай. Убей.

По коже пробежали мурашки. Понятно было: за спиной стоит Аким. Но ясно было и другое: говорит не он.

Голос. Голос жуткого Нечто. И это Нечто смотрит сейчас на него с ледяным любопытством глазами Акима, и от этого взгляда слабеют ноги.

Кот медленно обернулся.

– Как он? – обычным своим голосом спросил Аким.

Все ясно: Аким снова не слышал этого своего Голоса. Выходит, Голос обращался непосредственно к нему, к Коту. И от этого становилось еще страшнее.

Должен ли он слушать этот проклятый Голос? В прошлый раз тот не соврал.

– Куда я его, в плечо? – спросил сталкер, чтобы отвлечься от неприятных мыслей.

– Ага, – сказал Аким. – Думаю, нечего страшного, кость не задета.

– Черт, искать его будут, – нервно озираясь, сказал Кот. Он сидели в ложбинке, укрывшись за небольшой земляной насыпью и булыжниками, в стороне от конопляных зарослей. – Не приходил никто, пока я в бессознанке валялся?

– Да нет вроде. Но я и не отходил далеко.

– Надо растормошить его, – решительно заявил Кот. Черт с ним, с Голосом. Не его это проблема. Хуже, если совесть замучает, что пристрелил беззащитного. Пусть бандюк лучше ему в горло вцепится – тогда и прибить вроде как не грех.

– Не надо его трогать, – возразил Аким. – Он много крови потерял.

– А мы можем потерять свои задницы, – отрезал сталкер, тряся бессознательное тело. – Нужно его как-то убедить, чтобы зуб на нас не держал. Иначе бандюки найдут нас где угодно.

Он снова встряхнул Штыря. Тот застонал, с трудом разлепил тяжелые веки. Кривясь от боли, выдавил:

– Где я?

– На плантации своей, – выдавив улыбку, сказал сталкер. – Мы тебя едва откачали.

Штырь впился взглядом в сталкера. Во взгляде появилась злоба:

– Это ты стрелял в меня, падла... Кот, сука. Считай, ты покойник!

– Да случайно же вышло, – заискивающе, поганенько так улыбаясь, протянул сталкер. – Что же у тебя наркота у самой стены растет – не обойти! Надышался я, вот и принял тебя за конопляное чудище. Ты же еще и в противогазе был, тут и без допинга со страху обгадишься.

– Трава сама прёт, на новые территории лезет, и остановить не вариант... – пробормотал Штырь, ощупывая рану. – А ты, гнида, в плечо мне шмальнул!

– Прости, Штырь! Ну прости меня, – заискивающе глядя ему в глаза, сказал Кот. – Видишь, перевязали мы тебя, выходили.

– Бог простит, – отозвался бандит. Попытался сесть. – Теперь ты мой должник, Кот. Пока не решу, как тебе долг закрыть. Может, тоже в тебя шмальнуть, для симметрии?

Сталкер хохотнул, как бы оценив шутку. Хотя, кто этого уголовника знает, может, он всерьез говорит?

– А то, что не бросил, а откачал, выходил, это тебе зачтется, – продолжил бандит. – Не буду тебя убивать. Пока...

Он с каким-то новым интересом посмотрел на сталкера, поинтересовался:

– А как тебе «приход», от травки-то?

– Чума! – сказал Кот. Вспомнил жуткие картины всего

этого наркотического бреда. Его передернуло.

– Да, – протянул бандит, разминая руку, задетую пулей. – Вещь убойная, уже интерес есть, скоро на рынок выбросим. Иди на меня работать, а? Должок спишу.

– Нет, Штырь, – Кот покачал головой. – Ты же знаешь...

– Знаю, ты честный фраер, – хмыкнул Штырь. Перевел взгляд на Акима: – А это что за лошок с тобой?

– Так, знакомый один, – уклончиво ответил Кот.

– Что он делает в Зоне?

– Да так, не говорит. Но платит. А раз платят – чего не сопроводить хорошего человека?

– Этот – платит? Темнишь ты что-то, – прищурившись, сказал Штырь. – Где-то я этого хмыря видел... Нет, не помню.

– Сюда люди какие-то идут, – подбежав, сообщил Аким. – С оружием.

– В камуфляже? – быстро спросил Кот.

– Нет. В спортивном чем-то.

– Это мои, – довольно сказал Штырь. Он заметно взбодрился.

– Тогда нам пора, – быстро сказал Кот. Закинул рюкзак на плечо, поднял с земли винтарь.

– Ого, – бесцветно сказал Штырь. – Откуда такое ружьишко? Что-то ты недоговариваешь, сталкер.

– Не держи на меня зла, Штырь, – примирительно сказал Кот. – Будем живы – с меня «поляна».

Бандит не ответил. Он молча разглядывал Акима. Этот взгляд Коту не понравился. Он подтолкнул спутника в спину, и оба быстро покинули опасное место. Потому как нет в Зоне ловушки опаснее злого человека. Кот не питал иллюзий по поводу прощения со стороны бандита. Он знал, откуда у того это погоняло – Штырь. Не от слова «штырить», как думали потребители его гнилого товара, нет. Когда-то бандит зарабатывал тем, что на заказ «сажал» людей «на штырь» – убивал заточенным куском железной арматуры. Возможно, с возрастом он остепенился и сам стал оплачивать расправу над неугодными – неважно. Единственное, что сейчас останавливало Штыря от расправы над обидчиком, – собственная слабость. Да то, что автомат валялся в сторонке. Но простить такое какому-то борзому фраеру – никогда.

Невольно подумалось: зря он не внял этому Голосу. Похоже, это действительно был голос разума. Пусть даже нечеловеческого.

Теперь же нужно уносить ноги. Добраться бы только до Агролеса – а там и до городских кварталов рукой подать. Он знал одну тропку – аккурат между окраиной поселка и порченными землями по левую руку. В поселок лучше не соваться: от кого-то он слышал, что там «жгучий пух» разгуливает, и не просто так, а в смерч закрученный. Так что ну его в баню. А вот эдак, по касательной, по бровке, можно и до города добраться.

Вот там-то и начнется самое интересное.

– Не отставай! – бросил он Акиму и прибавил ходу.

По правую руку показалась вода. Залив. От воды в Зоне надо подальше держаться. Потому как не вода это вовсе – видимость одна. Конечно, залив не так страшен, как водохранилище, но тоже не подарок. Говорят, вода в нем металл растворяет. Ученые не раз образцы собирали, в лабораториях возились, под микроскопом разглядывали, чуть ли на язык не пробовали – вода как вода. А здесь брось ружье в залив – нет ружья. Причем не бурлит, не кипит, как в кислоте, скажем. А просто тает, как сахар. Такое свойство у нее только здесь, в Зоне. При этом на человека вроде не действует. Бандиты, рассказывают, пытались тело там растворить, чтобы шито-крыто было. Как бы не так. Кусок рельса, что к ногам привязали, растворился, трупешник всплыл. Очнулся – и домой пришлепал. Врут, конечно, – не очнулся. Обыкновенный бродячий мертвяк, какие здесь встречаются. Но факт – человека вода не убьет. А вот на психику давит. Тяжелая там, у воды, атмосфера. По крайней мере ему, Коту, противопоказанная. Так что надо так идти, чтобы вода за кустами виднелась, а ближе – ни-ни.

Так они прошли с километр. Оставили по правую руку «Летучий голландец» – одинокий полузатопленный буксир метрах в двадцати от берега. «Голландец» был загадкой. Во-первых, тем, что не растворялся в воде залива, как прочий железный хлам. Поговаривали, что по какой-то причине вода не касается его бортов, и судно вроде как висит, отталки-

вая и вытесняя воду. Оттого он и «летучий». А еще по ночам на нем произвольно загорались бортовые огни и иллюминаторы, что-то скрипело и хлопало, словно по палубе бродили привидения. Рассказывали о россыпях хабара в его темных трюмах и каких-то совершенно уникальных хреновинах, какие не найдешь больше нигде в Зоне. Кот в это не верил, как не верил в пиратские клады из детских книжек. Кто-то из сталкеров собирался забраться на «голландца», но Кот не знал, забрался ли. Лично он не полез бы туда ни за какие деньги. Все ведь знают: на воде ничего хорошего быть не может.

Прошмыгнуть «по бровке» не удалось. Угодили под облако «жгучего пуха». Аким сдуру полез вперед Кота, когда тот остановился, чтобы сориентироваться. Легкую взвесь сталкер заметил краем глаза и в прыжке сбил с ног зазевавшегося спутника. Успел заметить, что «пух» здесь и вправду закручивался какой-то зловещей «воронкой», точно смерч. Видать, не только в Агролесе бывает такая диковина... Их все же слегка зацепило. Кот успел прикрыть лицо, и ему лишь немного обожгло ладонь. Но даже от этого кисть распухла, как обваренная, и дико саднила. Не смертельно, но крайне неприятно. Хорошо, что не правая рука, иначе было бы невозможно стрелять. Пришлось мазать кожу специальной мазью от отека и жрать таблетки. Так они потеряли около получаса.

На этом злоключения в тех местах не кончились. На хо-

женой-перехоженной тропке они чуть не влетели в «жарку». Когда жажнуло адским пламенем, Акима не пришлось уговаривать – он сам рухнул и вжался лицом в землю. Будто две расплющенные давлением камбалы, они выползли из смертельной зоны. Одежда дымилась, обжигая спину. Идти этой дорогой было нельзя.

На западе по-прежнему тянулись поля порченной земли, так что Кот решил обойти Агролес с востока. Это было неприятно, так как пришлось-таки выйти к воде. Но все же лучше, чем заживо зажариться на некогда безопасном пути. Огорчаться не имело смысла: Зона есть Зона, она дает, она же и забирает. Приняли вправо, обошли «комариную плешь» приличных размеров и старый БТР, поросший «черной колючкой». В этих местах стоило быть настороже. В дело вновь пошли гайки, скорость движения замедлилась. Пройдя метров сто вдоль кромки воды, у красивых высоких сосен Кот остановился, прислушиваясь к собственным ощущениям. Что-то его смутно беспокоило.

– Значит, так, – сказал он Акиму. – Посиди-ка тут, под сосенками, я сейчас.

Он вернулся шагов на триста по размеченному гайками пути. Здесь был небольшой пригорок. Не такой крутой, чтобы приютить какую-нибудь ловушку, но достаточно высокий, чтобы оглядеться. Пригнувшись, Кот добрался до кустарника на вершине пригорка.

И тут же увидел. По их следам двигалась группа, чело-

век семь, разношерстно одетая и столь же пестро вооруженная. По всему видно – бандиты. Вряд ли это было совпадением. Нечего бандитам делать в районе Агролеса. Места здесь опасные, хабара мало, да и плантацию не устроишь. Видать, тоже по их душу. Он снова посетовал, что не послушался Акимова Голоса. Шлепнуть надо было Штыря, да и концы в воду.

Бандиты остановились. Принялись топтаться на месте. Что-то в их поведении заинтриговало сталкера. Он стянул с плеча винтовку, припал к прицелу.

– Чтоб вас так и разэдак! – удивленно пробормотал Кот. – А ты-то какими судьбами?

В «оптике» было видно: бандиты окружили какого-то стоящего на коленях человека. Этот был безоружен и, судя по виду, ослаблен и избит. А еще он был босой. Его Кот узнал сразу: их первый преследователь, назвавшийся Глебом. Если, конечно, это было его настоящее имя. Положение пленника было незавидное. Бандиты определенно не собирались его отпускать.

– Как же это ты вляпался? – глядя в прицел, прошептал Кот. И тут же вспомнил, что сам лишил его оружия, продовольствия и воды, бросив связанного в Зоне. Да еще то, как спутнику этого человека не повезло в «русскую рулетку».

– А ты как хотел, парень, – Кот продолжал говорить сам собой, не отрываясь от прицела. – Нечего было нас преследовать. Мы люди нервные.

Он запнулся. На первом плане появился Штырь. Левая рука висела в бинтах у него на груди, во второй он вертел удручающего вида острый предмет. Видать, это и был знаменитый штырь для кровавых расправ. Два бугая в тренировочных костюмах ухватили пленника под плечи и за волосы запрокинули ему голову. Вперед теперь торчал дергающийся кадык, и сейчас в него должна воткнуться бандитская заточка.

Расправу прервала пуля. Штырь скрючился и повалился на землю: к простреленному плечу добавилась покалеченная нога. Бандиты заметались, открыли беспорядочный огонь по соседним кустам. Для убедительности Кот прострелил колено еще одному беспокойному стрелку. Бандиты подхватили раненых и спешно ретировались. Напоследок один уркаган направил ствол в сторону замершего на коленях Глеба, но Штырь крикнул что-то злобное и избавил Кота от необходимости тратить еще одну пулю. Умный Штырь, недаром в главари попал. Понял, что жизнь случайного бродяги не стоит того, чтобы банду уложили целиком из засады.

Кот усмехнулся – знай наших! Хотя радоваться было нечему. Штырь мог догадаться, у кого в руках «оптика». И теперь шансы вымолить у бандита прощение испарились. Определенно он заработал себе смертельного врага. Проклинавая себя за неоправданный гуманизм, Кот поспешил к бывшему пленнику, продолжавшему стоять на коленях посреди грязного пустыря.

– Снова ты? – хмуро бросил Кот, обходя Глеба. Тот не поднимал головы: его трясло от усталости и побоев. – Ладно, давай хватайся за меня. Нужно убираться отсюда, пока урки не передумали и не вернулись.

Тащить это ослабшее тело было непросто. Кот не уставал укорять себя за безрассудство. Но не мог он бросить в Зоне этот живой труп. Одно дело – обезоружить и связать опасного врага, и совсем другое – обречь на смерть слабого. Хреново это для кармы. Таковы они, парадоксы сталкерской жизни...

Когда он доволок свою ношу до сосен, начало темнеть. Последние метры тащить это избитое тело помогал Аким, и тут Глеб вяло зашевелился, вроде бы даже попытался сопротивляться. Кот сбросил его на землю. Сел рядом, тяжело дыша. Бросил в сердцах:

– Вот же ты вредный мужик, а... Что же с тобой делать? Аким, остались у нас какие медикаменты?

– Кончились, – растерянно отозвался Аким. – А я вот что нашел.

И протянул на ладони пару каких-то предметов. Кот поглядел и присвистнул. «Браслеты»! Ценный хабар, между прочим. Парфюмер прилично отваливает за каждую штуку.

– Там еще есть, – сообщил Аким.

Кот осторожно взял «браслет», повертел пальцами. Задумчиво наморщил лоб, забыв про все переживания последних суток. Все мысли занял халявный хабар и перспективы

приличного профита. Пожалуй, если Аким не врет и найдет-ся еще несколько таких штуковин, вылазку можно считать оправданной.

Но тут за спиной закашлялся Глеб.

– Обезболивающее есть? – с трудом возвращаясь из грез, спросил Кот.

– Не надо! – прохрипел Глеб. С усилием поднялся на локте. Глянул исподлобья в сторону Акима: – Пусть он отойдет, поговорить надо.

– Аким... – Кот вернул «браслет» и кивнул спутнику с выражением: «Ты же понимаешь...»

Аким воспринял эту просьбу спокойно. Отвернулся и направился к воде. Присел на корточки и принялся неторопливо подбирать камушки и кидать в воду «лягушками». Первый же камень, оставляя цепь расходящихся кругов, ускакал к горизонту, так и не замедлив бег. То же происходило и со всеми остальными камнями. Аким флегматично продолжал свое занятие, феноменальные свойства здешних прыгающих камней его не особо удивляли.

Всего этого Кот не видел. Он смотрел на Глеба. Лицо у того напоминало потрепанную боксерскую грушу, губы распухли и покрылись запекшейся кровью, один глаз заплыл черным кровоподтеком.

– Шикарно выглядишь, – не без удовлетворения отметил Кот.

– Не повезло, – бесцветно отозвался Глеб.

– Ничего, карты не лошадь, к утру повезет, – усмехнулся Кот.

– Чего?

– Ничего. Скажи лучше, где остальные из твоей группы?

– Напарник пропал, – проговорил Глеб. Он постепенно собирался с силами.

– Так вас было двое, – посочувствовал Кот. – Ну что я тебе могу сказать... Отправился он в увлекательное путешествие, из которого еще никто не возвращался.

– Ты его убил? – хрипло спросил Глеб.

– Почему – я? – обиделся Кот. – Если кто и убил, то «рулетка».

– Что за «рулетка»? – не понял Глеб.

– И как вас только в Зону пустили, таких неподготовленных? – покачал головой Кот. – Это в вашей конторе недоработка...

– Никто нас не пускал, – сухо сказал Глеб. – Это частная инициатива.

– А... – протянул Кот. – Постой... А кто же вас послал?

– Не посылал никто. Это мое личное решение.

Сталкер недоверчиво уставился на собеседника. Глеб смотрел на него единственным здоровым глазом, но твердо и на психа не смахивал.

– А мне казалось, ты профессионал, – заметил Кот.

– Так и есть, – сказал Глеб. – И к этим уркам я не попался бы, если бы ты оружие не забрал с ботинками вместе. И если

б друг не пропал в этой ловушке.

– «Если бы», – усмехнулся Кот. – Нет таких слов в Зоне. Но все-таки, какого черта ты поперся за нами дальше – без оружия, без воды и жратвы, да еще и босиком?

– Я же тебе объяснял, – голос Глеба стал сиплым. – Из-за него.

Он кивнул в сторону Акима. Тот словно почувствовал: остановил очередной замах камушком, обернулся. И улыбнулся эдак ободряюще.

– Да-да, помню, – задумчиво сказал сталкер. – Считаешь, что Аким опасен и его нужно остановить. Как хочешь, но я в этот бред не верю.

– Этого парня двадцать лет изучала специальная лаборатория, – устало сказал Глеб. – Есть множество материалов, которые подтверждают его особые способности, его связь с Зоной.

– И что же? – Кот пожал плечами. – Куча уродов, которые наплодились вокруг Зоны, тоже эту связь подтверждают. Мутации, порча и прочая дрянь.

– Но все это было после, – возразил Глеб. Похоже, спор прибавил ему сил. Он даже сел, преодолевая боль в ребрах. – Только этот парень знал о Посещении до того, как все случилось. Более того, Сдвиги девяносто первого и пятнадцатого годов он также предсказал. И оба раза оказывался в эпицентре Сдвига.

– И это я знаю.

– Знаешь, но, по-моему, не понимаешь. – Глеб покачал головой. Снова уставился на собеседника единственным здоровым глазом. – Ты про причинно-следственные аномалии слышал?

– Что-то так, мимоходом.

– Я говорю про тех, кто пережил Посещение и уехал в другие места. Знаешь, что с ними происходит?

– Да, мой шеф говорил на эту тему. – Кот пожал плечами. – Мол, вокруг «эмигрантов из Зоны» начинается чертовщина твориться. Люди вокруг них дохнут как мухи, электричество коротит, и стихийные бедствия учащаются.

– Вот именно, – сухо сказал Глеб.

– Но ведь это все слухи и рассказы!

– Не слухи и не рассказы, – жестко сказал Глеб. – Это статистика.

– Ну допустим. Я просто не пойму, к чему ты клонишь?

– Сейчас поймешь. – Глеб неотрывно пялился в него своим застывшим покрасневшим глазом, и от этого взгляда Кот чувствовал себя неуютно. – Сам я не помню Посещения, но мой отец был там. Лейтенант Шевцов в семьдесят втором командовал взводом ударно-штурмовой бригады ВДВ. Их бросили в самое пекло – тогда еще никто не понимал, что происходит, тогда думали, что это диверсия, война, секретное оружие противника и все такое прочее. Для того десант и существует – чтобы бросать в огонь и смотреть, что из этого выйдет. В общем, весь взвод там и остался. Только отец

выжил. И добрался до эпицентра, как приказывали. Как ты думаешь, что он там обнаружил?

Кот сдержанно развел руками.

– Это, – Глеб кивнул в сторону Акима. – Отец нашел ЭТО и вытащил за пределы будущей Зоны. Спас.

– И что же? – осторожно спросил Кот. Факт, без сомнения, интересный. Но не было понятно, куда клонит этот парень.

– До начала девяностых все шло своим чередом. А в девяносто первом с отцом стало происходить неладное... – Лицо Глеба странно дернулось, исказилось, хотя казалось, дальше уже некуда. – Он стал стареть. Дико, стремительно. За месяц из сорокалетнего здорового мужика превратился в страшного немощного старика. И умер.

– От чего умер? – тупо спросил Кот.

– От старости. Медики так и констатировали. – Глеб внимательно изучал реакцию сталкера. – Я тогда сразу просек: это с Зоной связано. Потому как нет и не может быть других объяснений. А позже по роду службы я выяснил: в Академгородке как-то провели эксперимент над одним парнем. А тот взял – и уснул. На двадцать четыре года. Знаешь, в какой день это было?

– В день смерти твоего отца, – догадался Кот.

– Да. И вот я узнаю, что парень-то очнулся. Тот самый мальчишка, которого спас из Зоны лейтенант Шевцов. Но интересная деталь: этот спящий красавец, оказывается, за двадцать лет ничуть не изменился. Не повзрослел, не соста-

рился. Ни на день. Выглядит бодро, эдак хорошо выспавшимся.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Можешь считать меня сумасшедшим, но я уверен: это он забрал жизнь у моего отца.

– Чего?!

– Вольно или невольно – он высосал из жизни отца годы, которые должен был прожить спасший его человек.

– Это просто бред какой-то... – Кот потряс головой, пытаясь привести в порядок разбегающиеся мысли. – Ну допустим. Это Зона, здесь может быть всякое, даже такая странная связь между людьми. Но я все равно никак в толк не возьму, к чему ты клонишь? Зачем ты следишь за ним? Хочешь отомстить за своего отца?

– Нет. – Лицо собеседника болезненно дернулось. – Я просто хотел показать тебе связь – ту самую, между человеком и Зоной. Я понимаю, что вины этого парня здесь нет. Он всего лишь слепое орудие тех сил, что стоят за ними. Сил страшных, необъяснимых. Таких, которые нам пока что не по зубам.

Кот хотел было возразить. Но вспомнил Голос. Черт его знает, может, в чем-то и прав этот сын своего отца. Но только «в чем-то». Потому что не хотелось, чтобы он был прав.

Глеб, заметив сомнение в лице сталкера, продолжил:

– В общем, некоторые эксперты считают, что Аким – ключевое звено в Посещении. Неважно, знает он о том сам или

нет, но само его нахождение в этих местах вызывает возмущение Зоны. Есть мнение, что его появление в эпицентре Посещения может спровоцировать катастрофу.

– «Конец света»? – с сарказмом спросил Кот.

– Не исключено, – серьезно ответил Глеб.

Кот помолчал, глядя в сторону заката. Произнес:

– Стало быть, фамилия твоя Шевцов.

– Стало быть, так.

Некоторое время сталкер раздумывал, глядя, как Аким без устали запускает и запускает скачущие по воде камни. Этот Шевцов все-таки посеял в нем сомнения, и нельзя было сказать, что беспочвенные. С другой стороны, совсем недавно он был врагом, тем, кто крался за ними, как киллер, со снайперской винтовкой в руках и вооруженным головорезом в напарниках. Не факт, что процедуры, пройденные в плену у бандитов, исправили настроение бывшего преследователя. Во всяком случае, его точка зрения была предельно ясной. Хоть и имела под собой сомнительные основания.

– Значит, так, – глядя в сторону, сказал Кот. – Я согласен, что Аким – парень со странностями. Но не верю, что он может вызвать конец света. Это я тебе авторитетно заявляю. Я лаборантом у академика Лаврова работаю, это он первым про конец света и заговорил. Если и приключится гибель всего сущего, то совсем не так. А вот как: Зоны постепенно расширятся и сомкнутся. Если мой академик прав – то году к двадцатому.

– Неправ твой академик. Наши эксперты считают...

– Твои эксперты – паникеры бездарные. А моему шефу Нобелевскую премию обещают. Допустим, это Аким вызывает Сдвиги. Это бы объяснило расширение нашей Зоны. Но есть еще Хармонтская и еще четыре Зоны. И все они расширяются синхронно. Что, и там Аким засветился?

– Я не знаю, – потерянно сказал Шевцов.

– Вот то-то же, – примирительно сказал Кот. – Никто этого не знает.

– Я знаю одно: нельзя его пускать в эпицентр.

– Тьфу ты... – Сталкер досадливо сплюнул. – Значит, так. Мы пойдем туда, куда надо. Аким от своего не отступится, а одного его я не брошу. И помешать нам никто не сможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.